

18+

Лев Портной

МЕНЬШЕ ЕДИНИЦЫ, БОЛЬШЕ ДЕВЯТИ

Лев Портной

Меньше единицы, больше девяти

«Издательские решения»

Портной Л.

Меньше единицы, больше девяти / Л. Портной — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533078-9

Приватизация началась не с залоговых аукционов, а в 1990 году, ещё до распада СССР. Герои романа оказываются перед выбором, остаться ли пассивными наблюдателями или принять участие в дележе. Каждый сам определяет, какую границу готов переступить ради успеха. Любовь и дружба, честь и достоинство. Чем можно пожертвовать? И перед какой чертой нужно остановиться? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-533078-9

© Портной Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	47
Глава 9	55
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Меньше единицы, больше девяти

Лев Портной

Автор выражает сердечную благодарность Елене Ханге, которой принадлежит идея романа и главная заслуга в том, что роман появился на свет!

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения и расхождения с реальными людьми и событиями случайны.

Иллюстратор Анна Портная

Иллюстратор Марина Шатуленко

Корректор Александр Сапожников

© Лев Портной, 2021

© Анна Портная, иллюстрации, 2021

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-3078-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Инга привыкла спать, натянув одеяло до подбородка и высунув наружу ножку – совсем чуть-чуть, только пальчики. Было тепло, но не жарко, в самый раз для спокойного сна. Вот только котёнок полагал, что её пальчики предназначались для забавы. Он пробовал их маленькими зубами, а иногда и коготки выпускал.

Господи, ну почему он не кусал Сашку за ороговевшие пятки. Тот бы и не почувствовал ничего.

А спрячешь ногу, будет ещё хуже. Котёнок вскарабкается наверх и будет прыгать по ним. Да и жарко невыносимо становится, если укрыться целиком под одеялом.

В эту ночь котёнок ещё и концерт закатил. Он не только покусывал и царапал её пальцы, но и мяукал. Мяукал отвратительным, резким, монотонным голосом с короткими перерывами.

Невозможно, так дальше невозможно. Завтра же утром она отнесёт его на работу. Там народ сердобольный, животных любят, котёнок не пропадёт.

Эта спасительная мысль почему-то окончательно отогнала сон. Инга открыла глаза и поняла, что звонил телефон и звонил очень долго. Сквозь сон она принимала звонки за кошачье мяуканье.

Она перевернулась на бок и схватила трубку:

– Аллю!

– Инга! – раздался мужской, очень близкий, казавшийся родным голос.

– Да...

– Слава богу, что трубку сняла ты, – в голосе чувствовалось облегчение.

– Но...

«Кто вы?» – хотела она спросить. Станным образом она не могла вспомнить, кому принадлежал этот такой родной, такой близкий голос.

Но задать вопрос она не успела. Собеседник перебил её:

– Послушай меня! Послушай! Передай своему му... – он запнулся, но тут же, поправившись, продолжил. – Жениху. Передай своему жениху, чтобы он не ездил в Нижний Новгород. Слышишь? Обязательно передай ему! В скором времени, очень скоро ему предложат поехать в Нижний Новгород. Пусть откажется. Пусть придумает что угодно, скажется больным или ещё что. Возьми с него слово, что он не поедет в Нижний Новгород. Это очень, очень важно. Так будет лучше для всех. И для него, и для тебя...

Связь оборвалась. Зазвучали короткие гудки.

Некоторое время Инга сидела в постели. Она пыталась сообразить, кто это был. Но ни малейшей подсказки память не выдавала.

Кроме того, она никому из знакомых не давала номера телефона Сашкиной квартиры. Да, все знали, что они живут вместе, все знали, что они женятся. Но номера телефона она никому не давала. После свадьбы – пожалуйста. А пока что нет.

Однако же человек звонил именно ей. Он явно обрадовался, что трубку сняла она, а не Саша. Кто же это был и откуда у него этот номер?

Вдруг она сообразила, что номер телефона сюда знают её родители. Значит, он мог...

Нет, не мог. Родители не дали бы ему номер. Они бы позвонили сами и сказали бы ей, что тебя ищет такой-то, просит позвонить ему.

– Саш, – позвала она. – Са-аш!

– У-у...

– Ты что, спишь?

– Сплю. А что? Сколько время? Темень непроглядная.

Она включила ночник и взглянула на часы.

– Время – начало первого ночи, – сказала Инга.

– Фу-у, мы ж только-только легли, – вымолвил Александр, приподнялся на локте и, жмурясь от света, с тревогой спросил. – Что случилось? Чего ты не спишь?

– Ты слышал телефонный звонок? Я только что говорила по телефону.

– Нет, – с удивлением ответил он.

– Ну даёшь!

– А кто звонил?

– Не знаю. Но звонок какой-то странный. Какой-то... Парень просил передать тебе, чтобы ты не ездил в Нижний Новгород...

– Нижний Новгород? – переспросил Александр.

– Нижний Новгород, – подтвердила Инга.

– Странно, – сказал Александр. – Обычно все говорят «Горький». Его ж когда... Только вчера переименовали...

– Да чёрт с ним, когда его переименовали! – вдруг вспыхнула Инга. – Ты можешь объяснить, что у тебя там за дела?

Александр наконец перестал жмуриться, сился вспомнить, от усердия поджал губы, уставился на несколько мгновений в одеяло, будто там могла появиться подсказка, и сказал:

– Ума не приложу. Нет у меня там никаких дел.

– Точно нет? Саш, мне страшно...

– Ты чего? Чего тебе страшно? – изумился он.

– Этот человек. Я не понимаю. Он то ли угрожал, то ли предостерегал от чего-то. Он сказал, чтобы ты ни в коем случае не ездил в Нижний Новгород. Что тебе предложат поехать туда в ближайшее время, но чтобы ты отказался. Он знает как сказал! Он сказал, так будет лучше для всех. И для тебя, и для меня.

– Да чушь какая-то! – воскликнул Александр. – Не собираюсь я ни в какой Нижний Новгород! Что я там забыл! Кто хоть это был? Кто звонил?

– Не знаю. – Инга посмотрела на Александра испуганными глазами. – Но странно как-то! Он обрадовался, что трубку сняла я. А всё, что сказал, всё потребовал тебе передать. А чего же он тогда так боялся на тебя напороться?

– Ну, не знаю, – протянул Александр, прибавив нотки подозрения в голосе. – Какие-то тайны у тебя от меня. Какие-то тайные воздыхатели...

– Какие воздыхатели! Саш, правда, мне страшно.

Он обнял её, прижал к себе, дотянулся рукой до ночника и погасил свет.

– Иди ко мне. Ты что? Я тебя в обиду не дам. Я с тобой.

– Саш, дай мне слово, – попросила Инга.

– Какое слово?

– Поклянись, что ты не поедешь в Нижний Новгород.

– Да нечего мне там делать.

– Всё равно. Поклянись, что не поедешь! Поклянись, что откажешься, если тебе предложат...

– Да кто предложит? Нет у нас там никаких дел. Все мои дела – все здесь, в Москве.

– Поклянись, – настаивала девушка.

– Хорошо-хорошо! Клянусь.

– Я серьёзно.

– И я серьёзно. Ну, Инга, я не знаю, что ещё тебе сказать? Я клянусь, клянусь, что не поеду в Нижний Новгород.

Она с облегчением выдохнула, расслабилась и сильнее прижалась к нему. Он рассмеялся и добавил:

- И в Великий Новгород тоже не поеду.
- Да ну тебя. – Инга тихонько толкнула его кулачком.

Некоторое время они лежали, прижавшись друг к другу. Александр вновь начал засыпать. Инга почувствовала, как котёнок пробует ноготками её пятку. Дыхание Александра выровнялось, он начал посапывать в темноте.

- Знаешь что, – прошептала Инга.
- У-у, – сглотнув, откликнулся он.
- Если бы тебя не было рядом со мной...
- Но я же рядом, я рядом...

– Да, ты рядом. Вот я только что и поняла. Про этот голос. Если бы ты сейчас не лежал рядом со мной, я была бы в полной уверенности, что это ты и звонил.

Глава 1

Хвостов решил заманить коллегу в гости, чтобы поговорить с ним по-мужски, а если понадобится, то и морду набить.

– Димон, ты «Плоть и кровь» смотрел? У меня дома видак и кассета есть. Моя завтра с подругой придёт. Подваливай! – предложил он.

– Подруга красивая?

– Офигенная!

– Давай! – согласился Дмитрий Акулов.

– Значит, завтра. После работы, – уточнил Хвостов.

– Замётано! – подтвердил Акулов, не подозревавший, что никаких подружек не было.

В студенческие годы Хвостов и Акулов друзьями не были. По окончании финансового института попали на работу в одно учреждение по воле случая.

В будущем Дмитрий получил прозвище Акула. Какое ж ещё! Для стороннего наблюдателя выглядело естественным, что Хвостов стал одним из самых доверенных лиц Акулова. Как-никак, в начале карьерного пути они делили один кабинет на двоих.

Для самолюбия же Хвостова вопрос был крайне болезненным. Акулой империализма должен был стать он, а не Дмитрий. Акулову попросту фантастически повезло. Однажды он удачно зашёл в туалет.

Они работали в Кировском отделении Промстройбанка СССР. Город Киров тут был ни при чём. Учреждение располагалось в Москве, на Новослободской улице. Обслуживались в нём предприятия тяжёлой промышленности, транспорта и строительной отрасли Кировского района столицы. Кроме того, в отделении открывали счета и предприятия негосударственного сектора. Поначалу это были кооперативы, затем пошли молодёжные центры, межотраслевые объединения, товарищества с ограниченной ответственностью.

Сотрудников мужского пола в отделении было всего четверо: вчерашние студенты Хвостов и Акулов, управляющий Андрей Юрьевич Вешняков и завхоз дядя Паша.

Был ещё отдел инкассаторов. Там работали одни мужики. Но инкассаторы держались особняком, о них никто не думал как о членах коллектива.

У Андрея Юрьевича было два зама – обе бабульки уже лет пятнадцать могли сидеть на пенсии. Они были единственными в женском царстве, кто поднимал голос на вчерашних студентов. Прочие коллеги понимали, что в ближайшие два года один из них, а то и оба станут начальниками.

Карьера молодых банковских служащих в советские времена складывалась просто. Отработав два года по распределению, молодой человек либо получал солидное повышение (должность не ниже заместителя управляющего отделением), либо переходил на работу в реальный сектор – начальником финансового отдела или планово-экономического отдела какого-нибудь завода или комбината.

В результате сложилось так, что профессия банкира в советские времена считалась женской.

Очень скоро фаворитом гонки стал Александр Хвостов. Дима Акулов был просто весёлым парнем.

Однако десятилетиями исправно работавшая машина дала сбой. Два года, положенные к отработке по распределению, истекали. Но обе бабульки не спешили освободить кабинеты. Нашлись у них заступники в райкоме. Руководство Промстройбанка посчитало за лучшее не трогать их.

В прежние времена практиковались переводы в другие отделения с повышением в должности. Но тут ключевое слово «прежние».

Чуть позднее, в начале девяностых, нередко раздавалось удивлённое: дилеры, брокеры, ме-нед-же-ры! Откуда? Откуда все они вдруг появились? Как, когда успели освоить премудрости наук, которым прежде мало того что нигде не обучали, а могли ещё и к стенке поставить того, кто не к месту продемонстрирует навыки подобных профессий.

В действительности люди учатся быстро. Впрочем, так же быстро и забывают уроки. Это в нулевые годы стало модным ностальгировать по советскому укладу жизни, по низким ценам и доллару по шестьдесят восемь копеек. А в девяностом году хорошо понимали связь между пустыми полками и вмешательством государства в экономику. Когда 24 мая Председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков сказал об административном регулировании цен, люди за несколько часов смели остатки товаров и продуктов с прилавков магазинов.

Пока рассуждали о том, как переходить к рыночной экономике и переходить ли вообще, началась инфляция. И тогда в воздухе разлилось предчувствие, что профессия банкира на ближайшие годы станет самой успешной во всех отношениях. Впрочем, почему предчувствие. Заведующий отделом экономики газеты «Правда» Егор Тимурович Гайдар написал вполне определённо: «Доходы каждой социальной группы оказываются в прямой зависимости от того, насколько действенно она может нажать на правительство, банки, в какой мере способна подкрепить свои требования реальными угрозами».

Молодые банковские служащие в большинстве своём не читали газету «Правда». Однако более не спешили переходить в реальный сектор экономики. Теперь в тех отделениях, где появлялись выгодные вакансии, хватало своих претендентов.

Вместо солидного повышения Хвостов получил подачку. Он и Акулов работали в кредитно-плановом отделе и оба курировали стройки. В отделении провели реорганизацию. Создали отдел финансирования и кредитования капитальных вложений. Начальником назначили Александра Хвостова. Его единственным подчинённым стал Дмитрий Акулов.

Им повысили оклады. Хвостову прибавили тридцать рублей. Акулову – всего лишь десятку. Они остались в старом кабинете на двоих, более не подчинялись начальнику кредитно-планового отдела Матвеевой, но по-прежнему терпели старушечьи истерики обеих замшей.

Хвостов тогда испытывал сложные чувства. Он ждал, что вот-вот займёт не в своём, так в другом отделении кабинет заместителя управляющего. Сказать, что задержка в карьерном росте разочаровала его, – это ничего не сказать. Случившееся он воспринимал как удар.

Однако он не опустил руки, а признал, что сам виноват в провале. Он полагался на сложившуюся практику и ждал, что должность заместителя управляющего свалится с неба. А нужно было не сидеть сложа руки, а делать что-то, чтобы оказаться самым лучшим из претендентов.

Хвостов решил заняться кандидатской диссертацией. Не так уж много сил отнимала работа. За два-три года он напишет и защитится, станет кэном¹. Тогда и перспективы откроются иные.

В конце августа он заехал в институт. Застал на месте заведующего кафедрой денежного обращения и кредита профессора Гаврилюка. Виктор Иванович помнил Хвостова и желание поступить в аспирантуру воспринял с энтузиазмом. Профессор попросил, чтобы Хвостов позвонил ему числа десятого сентября – после того, как схлынет ажиотаж начала учебного года.

Акулов же никаких выводов не сделал и продолжал работать спустя рукава, а точнее попросту сачковать. Хвостова отчасти утешало гаденькое удовольствие от того, что Дима повышения не получил. Одновременно Хвостов испытывал и неловкость. Учились вместе, работали два года бок о бок, а теперь он начальник, а Дима остался старшим экономистом. Хвостов получил солидную прибавку к зарплате. Диме накинули жалкую десятку.

¹ Кэн – сокращение от «кандидат экономических наук».

Только, положив руку на сердце, он и червонца этого не заслужил.

Акулов случившееся воспринял на удивление спокойно. Хвостов видел, что коллега не рисуется, а ему и впрямь, извините, по фигу. Карьера не сложилась – по фигу. Прибавку к зарплате профукал – по фигу. Александр стал его начальником – и это Диме было по фигу. Что больше всего раздражало Хвостова.

Он почувствовал в Акулове какую-то загадку. Вроде бы Дима не собирался всю жизнь сидеть на шее родителей. Да те и не могли обеспечить сыну безбедного существования. Но откуда-то было в нём такое легкомысленное отношение к делу.

Хвостов не мог найти управу на Диму. Тот продолжал вести себя так, словно ничего не изменилось. У них было двадцать семь объектов. Четырнадцать вёл Хвостов. Тринадцать – Акулов. С самого начала они работали по принципу взаимозаменяемости. Каждый должен был знать все двадцать семь строек и быть готовым подменить коллегу.

Выходило так. Акулов ушёл в отпуск, и Хвостову пришлось приводить в порядок дела, закреплённые за коллегой. Стоило не то что в отпуск уйти, а на три дня больничный взять самому Хвостову, так потом приходилось разгрести бардак, который устраивал Акулов в его делах.

Главное, сложного-то ничего не было. Хвостов составил таблицы по каждому объекту и развесил на стене. По вертикальной оси шли наименования документов, по горизонтальной оси колонки с показателями. Пришёл клиент с платёжным поручением на оплату строительно-монтажных работ или поставку оборудования – нужно сверить данные титульного списка, внутривозвещенного титульного списка, договора генерального подряда, сметы, графика выполнения строительно-монтажных работ и поставок оборудования, ну и так далее, всего семнадцать документов. Если всё сходится, сотрудник банка визирует платёжку и операционный отдел производит оплату.

Если же какие-либо данные не совпадают, гонишь клиента в шею, пока не приведёт документы в надлежащее соответствие.

Не играло роли, за счёт чего осуществлялось строительство: за счёт бюджетных средств, за счёт долгосрочного кредита или за счёт фондов самого предприятия – в любом случае контроль возлагался на банк.

Александр исполнял работу скрупулёзно. Акулов подмахивал платёжки не глядя, после чего Хвостов неделями бегал за клиентами, выбивая исправленные документы.

Пока они были на равных, Александр Хвостов терпел. Даже радовался втайне, что нерадивый коллега самоустранился от гонки за повышением по службе.

Но теперь Хвостов стал начальником, а Дима продолжал выезжать за его счёт. Что было делать? Вести себя так, как положено начальнику? Хвостов понимал, что Дима проигнорирует его. И что тогда? Писать докладные управляющему? Мысль о кляузах Хвостов отвергал с ходу.

Дружеские посиделки в пятницу вечером он затеял, чтобы между пивом и американским боевиком поговорить с коллегой по-мужски. Если слова не помогут, Хвостов был готов и по шее накустылять. Это-то он умел.

Александр дошёл до Новослободской, но в метро спускаться не стал. Он решил переждать час пик. Распрошавшись с тётками из отделения, с которыми оказалось по пути, он побрёл не спеша в сторону Садового кольца, на ходу размышляя о задуманном на завтра деле.

Акулов приедет к нему домой, или они приедут вместе после работы, и тут выяснится, что девушек нет. Александр почувствовал, что эта ситуация сразу же обернётся не в его пользу. Акулов, конечно же, останется – пивка попить, видак посмотреть. Но Александр ясно видел, как Дима рассмеётся и скажет: «Что, продинамили нас девчонки!»

Подразумеваться будет, что продинамили его, Хвостова. Да он, может, так и скажет: «Не нас продинамили, а тебя продинамили». Александр хотел, чтобы его превосходство над Акуловым не подвергалось сомнениям.

Беда заключалась в том, что девушки у Хвостова не было.

Он пошарил в карманах и нащупал несколько двушек. Решил, что позвонит Веронике Королёвой, как только попадётся телефон-автомат. Они не виделись почти два года. Но могут же они встретиться как старые друзья по институту. Тем более что по-другому они и не встречались. А только так – как друзья.

Он увидел телефонную будку и зашёл внутрь. Бросил двушку в щёлку и по памяти набрал номер. Переждав с десяток длинных гудков, Хвостов повесил трубку. Со звоном вывалилась двушка, и он переложил монетку в карман.

Время было начало седьмого. Вероника ещё не вернулась с работы. Проживала она неподалёку, на Тихвинской улице. Когда он получил распределение на работу, то увидел было некий знак в том, что отделение банка оказалось в двух шагах от дома Королёвой. Но вопреки тайным сигналам их отношения сошли на нет.

Хвостов дошёл до знакомого двора и сел на скамейку у подъезда, соседнего с тем, где проживала Вероника. Он выкурил пару сигарет, размышляя о том, как они встретятся. Александр был уверен, что девушка обрадуется его появлению. Наверняка она думает, что потеряла его окончательно. Но вдруг – вот он, сидит у подъезда. Теперь она окажется не настолько легкомысленной, чтобы потерять его вновь. Словом, Хвостов рассчитывал, что их отношения начнутся с чистой страницы.

Увидев её, от неожиданности он выронил сигарету изо рта.

Мысль о том, что у неё мог появиться кто-то ещё за пролетевшие два года, более того – она могла выйти замуж за это время, – такая мысль не приходила ему в голову.

Он привык к тому, что у Вероники никого не было. Это и подпитывало надежду, и ставило в тупик одновременно. Он бы понял, если бы она предпочла другого. Но Вероника с самого начала не позволяла выходить за рамки дружеских отношений. По уши влюблённый Хвостов тщетно лез вон из кожи, чтобы завоевать её сердце. Она охотно принимала приглашения в кино, в кафе, просто прогуляться. Но стоило ему заикнуться о чувствах, как она с досадой роняла «ой, ну зачем это всё», отворачивалась и уходила.

Спустя несколько месяцев после окончания института Хвостов принял решение выкинуть Веронику из головы и порвать с ней... Впрочем, и рвать-то было нечего. Тогда отец сказал ему: «Ты не представляешь, как тебе повезло, что она не ответила взаимностью. Она бы потом всю жизнь попрекала тебя тем, что ты её обманул и оказался не тем принцем, для которого она берегла себя».

Слова отца были справедливы и потому вдвойне задевали самолюбие.

Теперь Вероника Королёва шла в обнимку с тем, кого, видимо, считала принцем. Долговязый парень, немного нескладный. Что Вероника нашла в нём, почему его рука покоилась на её талии – загадка и всё тут.

Хвостов хотел улизнуть, но понял, что, поднявшись со скамьи, только привлечёт внимание. Он надеялся, что Вероника не заметит его, но она заметила.

– Саша! – удивилась она.

– А, привет, – небрежно откликнулся он.

Они подошли, Хвостов поднялся навстречу.

– Какими судьбами? – спросила она и, не дождавшись ответа, представила его своему кавалеру. – Это Саша Хвостов, я рассказывала тебе...

– Николай, – назвал тот.

Он оторвал руку от её талии и протянул Хвостову. Александру почудилось, что ладонь Николая хранила тепло тела Королёвой, и это вызывало отвращение.

– Да я же работаю тут неподалёку. Вот коллегу проводил, кое-что донести помог, – соврал он, кивнув на подъезд. – Ну а ты как?

– Да ничего, работаю, – она пожала плечами. – Зайдёшь? Чаю попьём...

– Да нет, спасибо, – отказался Александр.

Николай смотрел на Хвостова с каким-то интересом, словно давно хотел увидеть того, о ком рассказывала Вероника.

– Ладно, пойду, – сказал Александр и добавил, глядя на удачливого соперника. – Приятно было познакомиться.

Он махнул рукой, решив, что раз только что поздоровались, то на прощание можно обойтись и без рукопожатия. Хвостов зашагал прочь. В голове звучали слова Вероники «я рассказывала тебе».

Она, значит, рассказывала этому Николаю! Что рассказывала?! Что – если между ними ничего не было. Рассказывала, как он бегал за нею, а она нос воротила! То-то этот козёл так пялился на него. Теперь этот Николай знает: вот он, Саша Хвостов, который пять лет бегал за Вероникой, да так и не смог впердолить ей.

Вдруг осенило: если б Акулов назавтра увидел его вместе с Вероникой, то понял бы, что между ними ничего нет и никогда не было.

И потом! Они же учились в одном институте. Пусть даже были незнакомы, но в лицо непременно узнали б друг друга.

Нет, это изначально была идиотская идея – пригласить Веронику. Лучше вообще обойтись без девушек.

Хвостов вновь вышел на Новослободскую улицу. Заметил телефонную будку. Он мог позвонить кому-нибудь из тех подружек, с которыми были короткие шуры-муры. Но при мысли о них становилось скучно.

Мимо проехал «Икарус», переполненный людьми. На задней площадке стояла девушка с русыми волосами и светлыми – то ли зелёными, то ли голубыми – глазами. Он видел, как она изогнулась под напором других пассажиров. Мелькнула идея: догнать автобус на остановке, протиснуться к незнакомке, встать так, чтобы сдерживать натиск попутчиков, она бы вздохнула свободней, они бы разговорились.

Но он не сорвался с места, а просто смотрел вслед автобусу. Их взгляды встретились, и она улыбнулась ему.

«Чёрт подери! Кто знает, может быть, судьба проехала мимо», – подумал Хвостов и помахал незнакомке.

В тот же момент он заметил другую девушку. Правда, она была не одна, с кавалером. Между ними разгорелся спор.

– Жень, на фиг! Какая жара! Вот именно что жара, – возмущалась девушка.

– Инг, ну чего ты? Фильм офигенный! Все говорят. Пошли! – агитировал её юноша.

– Два часа сидеть в духотище, обливаться потом, – противилась девушка.

– Инг, ну чего ты скучная такая, – в голосе юноши появилось отчаяние.

– Да, я скучная! А сидеть два часа в духоте очень весело! Иди один. А я не хочу...

– Ну и пойду! – бросил юноша.

Девушка развернулась и зашагала прочь, в сторону станции метро «Новослободская». Юноша кинулся к подъезду, над которым висела вывеска с надписью «Видеосалон». Он явно не хотел опоздать на сеанс.

Александр Хвостов прибавил шагу. Поравнявшись с незнакомкой, он сказал нарочито задорным голосом:

– Девушка, а позвольте пригласить вас в видеосалон?

Она оглянулась и, сразу же отвернувшись, прыснула со смеху. Хвостов рассмеялся и продолжил:

- Простите, я поневоле слышал ваш разговор.
- Очень смешно, – с осуждением промолвила девушка.
- Но вы же смеётесь, – возразил Александр.

Пару секунд они молчали, затем Хвостов сказал:

- Если вы в метро, то там сейчас ещё хуже, чем в видеосалоне.

Девушка окинула Хвостова подозрительным взглядом. Он изобразил застенчивую улыбку в ответ.

- Есть другие предложения? – спросила девушка.

– Можно просто прогуляться. А если потерпим одну остановку, то возле метро «Прспект Мира» есть кафе...

- Прогуляемся, – сказала девушка и добавила. – А там посмотрим.

Вот так он познакомился с Ингой Молиной. Они дошли до Сущёвского вала, болтая о том о сём. Хвостов думал, как сагитировать новую знакомую составить им с Акуловым назавтра компанию. Идеально, если бы и подругу привела. Но через полчаса после знакомства пригласить Ингу домой он не решился.

Однако удача была на его стороне.

- А ты в видеосалоны не ходишь? – зачем-то спросила Инга.
- Надумала вернуться? – вопросом на вопрос ответил он.
- Упаси бог! – фыркнула девушка.
- Я не хожу, – промолвил Хвостов.
- Не любишь кино? – удивилась Инга.
- Просто у меня свой видеосалон, – сказал Александр.
- А-а, значит, ты всё же кооперативщик, – протянула девушка.

Он успел рассказать ей, что работает в банке. Даже показал место своей работы через дорогу, когда они проходили мимо по Новослободской улице. Но Инга пропустила это мимо ушей. В тот момент профессия банкира её не впечатлила.

- Да не-е, я пошутил. У меня дома видак есть, – сказал Хвостов.
- А-а, я же говорю, кооперативщик, – с ещё большей уверенностью ответила Инга.

– Кстати, а давай у меня кино посмотрим, – предложил он. – Скажем, завтра. Пригласи подругу свою, а я друга позову. Посидим в весёлой компании. У меня хорошие фильмы есть.

- — Почему бы и нет, – согласилась Инга.

Она подала на прощание руку. Тут случился небольшой конфуз. Её рукопожатие оказалось настолько сильным, и главное – неожиданно сильным, что Хвостов даже ойкнул.

- — Ой! – в свою очередь ойкнула Инга. – Прости, не рассчитала.

Она извинилась так буднично, словно такая сила была для девушки в порядке вещей.

Глава 2

В пятницу Дима поставил Хвостова перед фактом, что уйдёт с работы пораньше.

– Я сваливаю, – объявил он, вернувшись с обеда. – Встретимся у тебя.

– Куда ты? Мы ж собирались сегодня посидеть у нас. Вместе и пойдём, – возразил Хвостов.

– Не-е. Ты же сказал, что твоя стол накроет, – ответил Акулов, складывая вещи в портфель. – Неудобняк с пустыми руками идти...

– Моей не будет, – сказал Александр.

– Что? Вдруг стала не твоей?

– Мы поссорились, – соврал Хвостов.

– О-па! – воскликнул Акулов. – И что теперь? Вечер в мужской компании?

– Зачем же? – хмыкнул Хвостов. – Я других девчонок позвал.

– Орёл! – с уважением сказал Акулов. – Но мне всё равно нужно пораньше свалить.

Показав жестом, что возражений не примет, Акулов выскочил из кабинета. Вспомнив о том, что хотел уточнить у коллеги, Дима задержался, приоткрыл дверь, просунул голову внутрь и спросил:

– Кстати, у тебя балкон есть?

– Есть, а что? – удивился Хвостов.

– Так шашлык лучше ж на улице жарить, – рассмеялся Акулов и закрыл за собой дверь окончательно.

– К шести жду! – крикнул Хвостов. – Какой шашлык? На балконе нельзя жарить.

Последние слова расслышала разве что полуголая мулатка с кривой саблей, восседавшая верхом на белой лошади. Календарь на 1990 год с картиной Бориса Валеджио ещё в январе пришилила кнопками Жанна, секретарша управляющего.

Бытует расхожее мнение, что в девяностые годы прошлого столетия, сразу же вслед за распадом Советского Союза, началась грабительская приватизация. При мысли о ней гнев обделённых граждан обычно направляется против участников залоговых аукционов. По их итогам в конце 1995 года в частные руки перешла дюжина самых лакомых нефтяных, металлургических и транспортных предприятий России. Со списком оных может ознакомиться любой, кто знает, что такое глобальная сеть и Википедия в частности.

С тех пор пролетело несколько десятилетий, но нет-нет, а раздаются голоса, призывающие пересмотреть итоги залоговых аукционов. Ревизионисты наивно верят, а скорее дурят головы гражданам верой в возможность восстановления справедливости.

Сделаем на минуточку фантастическое допущение, что результаты залоговых аукционов можно отменить. Но где же тут справедливость? А как же приватизация других предприятий? Завода резиновых изделий, где работала моя бабушка. Газетного киоска, с незапамятных времён стоявшего у автобусной остановки. Разве справедливо, что их тоже кто-то присвоил? И всё ли там с точки зрения закона прошло безупречно?

Словом, странно, что иные наши граждане говорят о несправедливых залоговых аукционах, а всю остальную приватизацию оставляют за скобками.

Но нас сейчас, здесь, на страницах этой книги, больше интересует тот удивительный факт, что никто не помнит или не вспоминает о том, что в действительности приватизация началась и шла полным ходом ещё до распада Советского Союза.

Положа руку на сердце, назвать её безупречной и справедливой – ну никак не назовёшь. Однако же прошла она как-то тихо, не породив праведного гнева и даже следа в народной памяти не оставив.

Полагаем, в данном случае у людской забывчивости есть две причины. Во-первых, в те времена гласность хотя и была одной из ключевых горбачёвских реформ, однако же четвёртая власть ещё не набрала достаточной силы. А может, дело было куда прозаичнее: попросту не было заказчиков громких разоблачений.

Вторая же причина заключается в том, что та приватизация выглядела деятельностью горячо любимых Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР, а не проделками рыжего Чубайса, Гайдара, посрамившего память о деде, и немца Коха. Да и бенефициарами приватизации становились не Абрамовичи, Фридманы и подозрительные Прохоровы, а те, кто надо, те и становились владельцами строительно-монтажных управлений, универсамов, автоколонн и прочая, и прочая.

А кто же они – те, кто надо? Да те, кому посчастливилось – кому заслуженно, а кому по воле слепого случая – оказаться во главе предприятия. Акции распределялись между сотрудниками в соответствии с коэффициентом трудового участия, как премии. Большинство и воспринимали получение в собственность акций и паёв как нечто вроде поощрения за работу, ту же премию. Немногие отдавали себе отчёт в том, что речь идёт о собственности, о том, кто отныне будет владеть предприятием, распоряжаться его имуществом и судьбами работников.

Те, кто оказались у руля, позаботились о том, чтобы личные коэффициенты трудового участия превратили их из вчерашних советских директоров в контролирующих собственников газет, заводов и пароходов – тут уж как кому повезло.

1990 год, когда начинается наше повествование, стал годом приватизации советских банков. Совет Министров СССР принял постановление, в соответствии с которым Промстройбанк СССР, Жилсоцбанк СССР и Агропромбанк СССР превращались в коммерческие банки. В ходе этих перемен региональные подразделения банков, да и простые отделения имели право объявить о преобразовании в самостоятельные банки.

Глава Жилсоцбанка СССР рассчитывал создать на базе подопечного банка гигантский коммерческий банк, но его подчинённые решили иначе. Трое начальников региональных управлений демонстративно покинули совещание, на котором глава Жилсоцбанка СССР рисовал светлое капиталистическое будущее. Бунтари основали собственные коммерческие банки на базе управлений, которыми руководили. Так, в апреле 1990 года превратились: Московское областное управление Жилсоцбанка СССР со всей сетью подмосковных отделений – в «Уникомбанк»; Ленинградское областное управление Жилсоцбанка СССР – в «Ленбанк», позднее переименованный в банк «Санкт-Петербург»; Калининское областное управление Жилсоцбанка СССР – в «Тверьуниверсалбанк».

На базе Московского областного управления Агропромбанка СССР образовался банк «Возрождение».

Уходили в самостоятельное плавание не только управления с входящими в их состав отделениями, но и сами отделения. Например, Дзержинское отделение Жилсоцбанка СССР в Москве преобразовалось в самостоятельный «Бизнес-банк». Мытищинское отделение Промстройбанка СССР стало «Мытищинским коммерческим банком». А иные отделения переходили под крылышки конкурентов. Например, Норильское отделение Промстройбанка СССР превратилось в Норильский филиал «Уникомбанка», созданного на базе далёкого от Норильска Московского областного управления Жилсоцбанка СССР. Попутно «Норильский никель» как клиент перешёл в «Уникомбанк».

Московское городское управление Промстройбанка СССР, в подчинении которого и находилось Кировское отделение, где трудились Акулов и Хвостов, готовилось к преобразованию в Московский индустриальный банк. Реорганизацию планировали произвести в ноябре 1990 года.

Революционные изменения в банковской системе будоражили воображение Дмитрия Акулова. С досадой думал он о том, что опоздал родиться и не успел сделать карьеру, поз-

волявшую принять серьёзное участие в дележе. За два года после института в лучшем случае он мог бы дорасти до заместителя управляющего. На эту должность рассчитывал его коллега Александр Хвостов и крайне расстроился, когда пришлось довольствоваться повышением всего лишь до начальника отдела. Акулов же понимал, что хотя слон и больше в тысячу раз хомяка, но, как и хомяк, никогда не дотянется до звёзд.

Дмитрий Акулов не собирался тратить годы жизни на то, чтобы ступенька за ступенькой карабкаться по карьерной лестнице. Он думал о том, как завладеть самим банком.

Акулов быстрым шагом дошёл до улицы Лесной, свернул на неё и двинулся дальше в сторону улицы Горького.

Ещё через несколько минут он стоял на 2-й Тверской-Ямской перед подъездом, над которым размещалась табличка «Кооперативный банк «Транс-Атлантис». Охранник открыл дверь и сразу же посторонился, пропуская Акулова внутрь.

В приёмной он застал секретаршу и молодого человека в джинсах и рыжей куртке.

– Марина, привет! – поздоровался Дмитрий.

Парень в рыжей куртке сидел, запрокинув голову, и безучастно смотрел в потолок.

– Дмитрий Сергеевич, вас уже ждут! – радостно сообщила девушка.

– Он, что, остолбенел при виде тебя? – расхохотался Акулов, кивнув на молодого человека в рыжей куртке.

Она обошла вокруг гостя и открыла дверь в кабинет. Акулов окинул жадным взглядом её фигуру и сказал:

– Марина, для тебя я просто Дима.

– Павел Александрович запрещает такие фамильярности, – в ответ прошептала Марина.

– Он, что, ревнует к тебе? Тогда я его боюсь, – Акулов снова захохотал.

Марина почему-то вдруг посмотрела на Акулова многозначительным взглядом. Он, хмыкнув, прошёл в кабинет.

Председатель правления банка Павел Александрович Стародумов находился за своим столом. На стуле у противоположной стены сидел Игорь Шустерман, с которым Акулов водил знакомство ещё со студенческой скамьи.

Игорь был старше на два года, соответственно, опережал Акулова в профессиональной области на четыре года, поскольку принадлежал к тем поколениям студентов, которых не призывали после первого курса в армию.

Третьим в кабинете был мужчина средних лет. Он сидел за приставкой к столу председателя правления банка. Этого человека Акулов видел впервые. Однако по заметному напряжению в поведении Стародумова и Шустермана Дмитрий понял, что главным в кабинете был этот незнакомец.

Акулову не понравилось присутствие этого человека. Он полагал, что в детали дела были посвящены только трое: он сам, Игорь Шустерман, работавший тут зампредом, и шеф Игоря, Павел Александрович Стародумов.

В принципе, в том, что они совершили, ничего криминального не было. Пока не было. И не будет, если кредит, полученный в Кировском отделении Промстройбанка, вернётся в срок. Но Дмитрий предчувствовал, что в будущем возникнут проблемы, и не хотел афишировать своё участие.

Стародумов сидел за столом, выпрямившись и подавшись несколько вперёд, словно готовился провести какое-то чересчур официозное совещание. Прежде он разговаривал с Дмитрием, развалившись в кресле.

Шустерман сидел и вовсе у противоположной стены. На его лице блуждала неизменная кривая улыбка. Но чувство было такое, что он попросту не осмеливался садиться за стол без специального приглашения.

Больше всего Акулову не понравились глаза незнакомца. В первое мгновение тот смотрел так, как старые пердуны смотрят на пионеров, не посрамивших память о штурме Зимнего. Но в следующую секунду глаза отвёл и на протяжении всей встречи избегал прямого взгляда.

Теперь Акулов понимал, что Стародумов и Шустерман не просто поставили незнакомца в курс дела, а изначально согласовывали свои действия с ним.

– А вот и наш финансовый гений! – Павел Александрович вышел из-за стола.

– Знаете, – вдруг сказал Шустерман. – Я ещё по институту помню: слышишь хохот, значит, Акулов идёт.

– А мы разве не в цирковом учились? – рассмеялся Дмитрий.

– Вот-вот! Что я говорю, – промолвил Шустерман.

Павел Александрович протянул руку Акулову. Игорь также поспешно оторвался от стула и обменялся коротким рукопожатием с гостем. Затем Стародумов и Шустерман синхронно повернулись к незнакомцу.

– Познакомься, это Владимир Борисович, – сказал Стародумов.

Незнакомец поднялся, подал Акулову руку и хриплым голосом произнёс:

– Владимир. Присаживайся, дорогой.

Павел Александрович торопливо вернулся на место руководителя. Акулов сел напротив Владимира Борисовича.

– Что ж, всё прошло как по маслу, – сказал Павел Александрович.

– Прошу прощения, друзья, – с напором в голосе произнёс Акулов.

Обращался он больше к Владимиру Борисовичу, показывая, что понимает, кто тут главный. Но, как и тот, избегал взгляда глаза в глаза.

– Я должен предупредить, что у меня очень мало времени. Буквально несколько минут. Так получилось. Срочно вызвали в Госбанк.

Последние слова он произнёс, глядя на Стародумова, но краем глаза заметил, что «Госбанк» произвёл впечатление на Владимира Борисовича. Последний с пониманием кивнул и попросил Павла Александровича:

– Объясни ещё раз, как вы деньги добыли.

– Изначально мы хотели получить межбанковский кредит, – стал рассказывать Стародумов. – Игорь вот своего друга подтянул...

Владимир Борисович оглянулся на Шустермана. Тот сидел у стены с довольной улыбкой.

– Но с межбанковским кредитом оказалось сложно, – продолжил Павел Александрович.

– Ты попроще можешь объяснить? – перебил его Владимир Борисович.

Акулов заметил, что словосочетание «межбанковский кредит» напрягало Владимира Борисовича. Казалось, что он с трудом удерживал нить разговора, пока Стародумов произносил длинные термины.

– Ну-у, тогда мы думали пойти к ним в банк с кооперативом, – стал объяснять Павел Александрович. – Но Дима сказал, что кооперативу тоже денег не дадут. Дима посоветовал зарегистрировать межотраслевое промышленное объединение...

По лицу Владимира Борисовича прокатилась тень. Он перевёл взгляд на Акулова и спросил:

– Так как ты деньги достал?

– Да тут просто всё было, – ответил Дмитрий. – Я подсказал ребятам, какую фирму открыть, чтоб на неё точно денег дали...

– С регистрацией межотраслевого промышленного объединения, конечно, повозиться пришлось. Но потом в их банке всё пошло как по маслу, – проговорил Стародумов.

По Владимиру Борисовичу было видно, что он потерял интерес к этой теме. Безучастно дождавшись, пока предправления банка умолкнет, он спросил:

– Вы ему заплатили?

– Для этого мы и собрались, – ответил Павел Александрович.

Он вытащил из папки и передал Акулову пухлый конверт. Дмитрий пересчитал деньги. В пачке оказалось пять тысяч рублей. Был соблазн забрать конверт и распрощаться, желательно, навсегда. Не нравился Акулову этот Владимир Борисович. Но он не хотел менять план и не хотел терять времени на поиск новых вариантов.

– Здесь слишком много, – сказал Дмитрий. – Но раз уж сами решили заплатить... Но деньги не главное. – Теперь он перевёл взгляд на Стародумова. – Я просил, чтобы вы оформили меня к себе начальником какого-нибудь отдела. Например, начальником экономического отдела. И сразу же подали документы в Госбанк на согласование меня к вам заместителем председателя правления. Всего месяца на четыре. Затем я увольняюсь...

– Но ты же не уходишь из Промстройбанка, – возразил Павел Александрович.

– Да, старина, – подал голос Игорь Шустерман. – Ты нам нужен в том банке...

– Никуда я не уйду, – ответил Акулов. – Но никто не запрещает мне где-то ещё работать по совместительству. Например, в вашем банке. У вас кооперативный банк. На работу в нём по совместительству согласия с основного места работы не требуется.

– Ну-у, хорошо, – неуверенно протянул Стародумов.

– Зарплата мне не нужна. Буду расписываться в ведомости, а деньги забирайте вы, – продолжил Дмитрий. – Мы договорились? Это в силе? Это для меня важнее денег.

Акулов слегка подвинул конверт с пятью тысячами.

– Паша, это можно сделать? – спросил Владимир Борисович.

– Ну-у, сделаем, – ответил Павел Александрович.

– Договорились? – спросил Акулов.

– Договорились, – подтвердил Стародумов.

Дмитрий достал из портфеля канцелярскую папку с надписью «Дело №» и передал её Шустерману.

– Здесь вся моя жизнь, – сказал Акулов.

– Сам на себя дело завёл, – усмехнулся Владимир Борисович.

– Сам и закрою, – улыбнулся в ответ Акулов и, вытащив из конверта пять сторублёвых банкнот, продолжил. – Я беру пятьсот рублей. Остальные деньги вложим в новое дело.

– Чего ты задумал? – подал голос Игорь.

– Идея такая, – сказал Акулов, обращаясь к Владимиру Борисовичу. – Накупим спортивной одежды, барахла всякого на Рижском рынке. Дальше. Как там эта ваша фирма называется?

– Какая фирма? – спросил Стародумов.

– Межотраслевое промышленное объединение... – подсказал Акулов.

– «Содружество», – закончил Игорь Шустерман.

– Да, «Содружество». Так вот, – продолжил Акулов. – Наделаем эмблемок «Nike – Содружество». Пришьём эти эмблемки ко всему этому барахлу. Типа изготовлено по лицензии американской фирмы «Nike». Пойдём в райком-исполком, покажем вещи секретарю...

– Большой человек, – с уважением промолвил Владимир Борисович.

– А чего мелочиться? – обронил в ответ Дмитрий. – Так вот. Покажем секретарю, который курирует торговлю. Покажем лицензию от фирмы «Nike» на пошив барахла под совместным лейблом. Для самого этого секретаря купим фирменный костюм, настоящий «Найк»...

– А лицензию где возьмём? – спросил Шустерман.

– Нарисуем, – ответил Акулов. – Кто проверит?

– Чего-то я пока не догоняю, – промолвил Стародумов. – А деньги-то где?

– Деньги вот где, – стал разъяснять Акулов. – Мы в райкоме скажем, что готовы поставлять эту продукцию. Для начала готовы отдать на реализацию первую партию товара. Но нам нужны оборотные средства. Прилавки в магазинах сейчас пустые. Вот увидите, они за это схва-

тятся. Они просто вызовут директора торгового центра, дадут добро, и тот заплатит нам аванс. Нужно будет, кредит на это дело автоматом возьмёт.

Владимир Борисович перевёл взгляд на руководителя банка. Тот сделал несколько движений руками, как бы разминая затёкшие кисти, и спросил:

– Ну хорошо. Тогда «Содружество» должно будет пошить или где-то взять весь этот спортивный трикотаж...

– Да зачем же? – усмехнулся Акулов. – Не надо ничего поставлять. «Содружество» переведёт деньги в банк, и они будут лежать на его счёте в вашем банке. Бесплатный ресурс. Я посмотрел, этот торговый договор составляет, там никаких пеней, никаких штрафов. Они работают по старинке. Просто не допёрло до них пока, что наступило время Остапа Бендера. Деньги можно будет год держать. По закону кредиторская задолженность... – тут Дмитрий бросил взгляд на Владимира Борисовича и пояснил: – Долги до года допускаются. Конечно, торговля, скорее всего, потребует деньги обратно, жаловаться побегут. А «Содружество» покажет письма, вот-де с «Найком» то согласовываем, это согласовываем, качественный трикотаж закупить не можем... Да мало ли чего напридумывать можно... Главное, мы ничего не нарушаем. Ну, не получилось. Сейчас во всех магазинах на прилавках шаром покати, ни у кого не получается... Короче, думайте. К сожалению, я должен бежать. Уже опаздываю в Госбанк.

Акулов поднялся из-за стола и протянул руку Владимиру Борисовичу.

– Рад был познакомиться, очень рад.

– Жаль, что даже не отметим нашу дружбу, – сказал тот, удерживая руку Акулова.

– Извините! Если бы меня предупредили заранее! Но я планировал на несколько минут забежать. К сожалению, на Неглинную нужно.

– Но ты теперь знай, что ты наш друг, – промолвил Владимир Борисович. – Если нужна помощь, только скажи. Если кто обидит тебя, только скажи...

– Да вроде никто меня обижать не собирается, – улыбнулся Акулов.

– Ну мало ли. Просто имей в виду, – ответил Владимир Борисович и наконец выпустил руку собеседника.

– Если надумаете, пусть Игорь позвонит, – сказал Дмитрий Стародумову.

Он направился к выходу. Шустерман оторвался от стула, чтобы проводить его. Но тут со своего места поднялся Владимир Борисович. Игорь застыл, пропуская важного человека вперёд.

В приёмной Акулов достал из портфеля косметический набор и положил перед Мариной.

– Чуть не забыл. Мариночка, это вам.

– Ой! Вы с ума сошли! Это ж безумные деньги...

– Для такой девушки безумных денег не существует! – сказал Акулов.

Марина подняла вопросительный взгляд на Стародумова, маячившего с Шустерманом за спиной Владимира Борисовича.

– Что ты смотришь на них? – с наигранным возмущением воскликнул Акулов и, захохотав, спросил: – Они что, косметику у тебя отбирают?!

Девушка покраснела и сказала:

– Спасибо, Дмитрий Сергеевич.

В приёмной мужчины ещё раз пожали друг другу руки. Только парень в рыжей куртке так и сидел с безучастным видом.

Дмитрий вышел, Шустерман последовал за ним. Молодой человек в рыжей куртке вдруг оживился, поднялся со стула и встал у стены. Владимир Борисович посмотрел на Стародумова и промолвил задумчиво:

– Деловой парень. Далеко пойдёт...

Затем он перевёл взгляд на парня в рыжей куртке и кивком указал на дверь. Тот двинулся к выходу, но в последнюю секунду Владимир Борисович перехватил его за руку, взял за полу куртки и сказал:

– Ну-ка сними. Как прожектор ходишь...

Акулов и Шустерман разговаривали перед выходом из банка.

– Зря деньги не взял, – сказал Игорь. – Честно сказать, я надеялся, ты со мной поделишься...

– Разве ты не на их стороне? – вскинул брови Акулов.

– Да хрен! Они считают, что я за одну зарплату всё это должен...

– Ну, так ты тут в месяц гребёшь, как я за полгода, – ответил Акулов.

– Так я тебе говорил, переходи к нам. Хотя нет, ты нам в Промстройбанке нужен.

Шустерман смотрел на Акулова со своей неизменной улыбкой, улыбкой человека, познавшего и философию жизни, и цену этой философии. Впрочем, Дмитрию кривая усмешка Шустермана представлялась ухмылкой глупца и прохиндея.

– Кто такой этот Владимир Борисович? – спросил он.

– Ну-у э-это, – протянул Игорь, закатив глаза. – Он вор. В законе. Смотрел фильм «Воры в законе»? Вот он такой же, как Гафт.

– Я так и понял, – промолвил Акулов, смерив взглядом Игоря.

– Человек он серьёзный. Без таких сейчас нельзя, – сказал Шустерман, со снисходительной улыбкой глядя на Акулова. – Кстати, если и впрямь кому ноги переломать, это он в два счёта организует.

– Ладно, обойдёмся без казаков-разбойников, – сказал Акулов.

– Слушай, а ты в Госбанк-то чего? – спросил Шустерман.

– Да так, дела, – ответил Акулов. – К слову сказать, пора, пора!

Он похлопал по плечу Шустермана и зашагал прочь, в сторону Лесной. Оттуда он прошёл к станции метро, спустился в подземку и сел на поезд. На станции «Проспект Мира» он сделал пересадку.

Дмитрию нужно было проехать одну остановку. Он направлялся на Рижский рынок.

В пятницу под конец рабочего дня в метро была давка. Дмитрий вошёл в вагон последним и стоял, прижавшись спиной и чуть ли не упершись носом в чужую спину. Акулов повернул голову в сторону. У соседних дверей он заметил парня, тоже стоявшего спиной к дверям и задравшего голову к потолку.

Акулов посмотрел в другую сторону, но вдруг у него появилось чувство, что в облике парня, в том, как он задрал голову, было что-то знакомое. Дмитрий вновь посмотрел на попутчика и на этот раз узнал его. Это был тот парень, что сидел в приёмной банка. Только теперь вместо рыжей куртки на нём не очень ладно сидело чёрное пальто.

На Рижском рынке Дмитрий подошёл к ларьку. Увидев его, продавец, парень лет двадцати, выскочил наружу.

– Всё готово, всё, как заказал.

– Помоги донести, – попросил Акулов.

– Побудь пока, – бросил продавец девушке, торговавшей вместе с ним в ларьке.

Он вытащил наружу огромную картонную коробку, и они вместе с Акуловым понесли её к выходу. Там Дмитрий углядел частника с «Москвичом-каблуком», договорился о цене, погрузили коробку в кузов.

Прощаясь с ларёчником, Дмитрий заметил парня, следившего за ним от самого банка. Тот сел в такси.

Акулов занял пассажирское место, и машина тронулась. Дмитрий вытащил из портфеля записную книжку и прочитал адрес:

- Улица Академика Комарова, дом 11В.
- Это где? – спросил водитель.
- Рядом где-то, в Останкино, – ответил Дмитрий.
- В Останкино – Королёва, – возразил водитель.
- Комарова тоже там, – сказал Дмитрий.

В нужном месте Акулов оказался через пятнадцать минут. На улице Академика Королёва притормозили возле гаишника, и тот подсказал, как проехать.

Когда Дмитрий выгружал покупку, из-за торца дома показалась такси. Дмитрий оставил коробку на земле и, широко улыбаясь, направился к «Волге» с шашечками.

- Братан, помоги донести, – попросил он.

Парень, который был в рыжей куртке, а теперь в пальто, на мгновение растерялся, но затем вышел из машины.

- Командир, – попросил Акулов водителя, – пару минут обожди, мы быстро.
- Да она ж лёгкая! – удивился парень в пальто, когда они подняли коробку.

– Но неудобная, – ответил извиняющимся тоном Дмитрий и добавил. – Да у меня и портфель ещё.

Они вошли в подъезд хрущёвки.

- Держишь? – спросил Дмитрий.
- Держу, – подтвердил парень.

Акулов отпустил ношу и хуком справа отправил помощника в нокаут. Тот выронил коробку и сам рухнул на пол.

Дмитрий обыскал его и вытащил наган, который парень носил за поясом. Откинув барабан, Акулов вытряхнул патроны на ладонь и спрятал их в карман. Пистолет он пихнул обратно парню за пояс.

Затем он похлопал по щекам свою жертву. Когда парень начал лопотать что-то нечленораздельное, Акулов поднял его и поволок на улицу.

Он усадил его на заднее сиденье «Волги», дал три рубля удивлённому водителю и сказал:

- Командир, видишь, нехорошо моему другу. Отвези его обратно или куда он скажет.
- Тебе капец! Капец тебе! – вдруг заорал парень.

– Да-да, – согласился Акулов и, наклонившись, громко сказал ему в лицо: – Скажи своему главному, если нужно что, пусть напрямую спрашивает. А ходить за мной не надо...

Акулов направился к пятиэтажке, а вслед ему летело:

- Тебе капец! Капец тебе!

Глава 3

Без пяти шесть раздался звонок в дверь. На пороге стояла Инга с пушистым мяукающим комком в руках.

– Слушай, вот нашла у твоего подъезда, – сказала она. – Жалко...

– Привет! – поздоровался Хвостов.

Он окинул взглядом пространство за спиной девушки, хотя и так было видно, что она пришла одна.

– Привет! У тебя молоко найдётся?

– Ты одна?

– С котёнком, – извиняющимся тоном ответила Инга.

– А подруга? – спросил он, пропуская гостью в квартиру.

– Не смогла. Я одна, – вздохнула Инга.

– Ну и ладно! Главное, что ты здесь! Очень рад тебя видеть, – сказал Хвостов.

Он подумал, что Дима вполне обойдётся и без девушки. А ещё он понял, что и впрямь рад видеть Ингу. Даже мысль о том, что серый пушистый комочек пометит каждый угол в квартире, случись ему оказаться котиком, а не кошечкой, – даже эта мысль не огорчала его.

Инга прошла на кухню, взяла блюдечко, достала из холодильника пакет молока. Котёнок неуклюжими шажками бродил по линолеуму и тыкался мордочкой в её ноги. Инга наполнила блюдечко и поставила его на пол. Сидя на корточках, она подталкивала котёнка, пока он не уткнулся мордочкой в молоко.

Александр не мог оторвать взгляд от круглых коленок и от белого треугольничка трусиков. Он опустил на корточки и поцеловал девушку. На мгновение она приоткрыла податливые губы, а затем отвернулась и вновь занялась котёнком, будто ничего не было.

Потом она взялась накрыть стол. В её руках всё горело. Она сделала салат из помидоров и огурцов, нарезала хлеб, взялась за деликатесы.

– Откуда такое богатство? – поинтересовалась девушка, нарезая варёно-копчёную колбасу и сыр.

– В банке заказы бывают, – объяснил Хвостов.

– Хорошо живёте, господа банкиры, – промолвила она.

– Не жалуемся, – подтвердил Александр.

В половине седьмого они сидели за праздничным столом в ожидании Акулова. На кухне сытый котёнок гонял по линолеуму деревянную катушку из-под ниток.

Хвостов злился и переживал, что коллега вообще не придёт.

Лучше бы так и случилось. Лучше бы не пришёл. Потому что сколько ни вспоминал Хвостов этот вечер, ему всегда делалось стыдно перед Ингой.

– Неужели! – со злостью обронил Хвостов, когда наконец-то раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Дима с огромной картонной коробкой, видимо, из-под самого большого телевизора, какой только мог сыскаться в Советском Союзе.

Открывая ему дверь, Хвостов готовился спросить: «Ты чего так долго?» – но не успел и слова произнести. Акулов с ходу заполнил всё – и пространство, и время – весёлым шумом.

– Привет, народ! – закричал он. – Извиняюсь, что опоздал. Вся Москва бежала за мной – где взял? Где взял? Так хоть бы одна собака помогла доехать! Еле поймал частника с пикапом...

– Боже, что это? – воскликнула Инга.

– Ага! – Акулов словно обрадовался её вопросу. – Значит, Шурик – молоток! Не раскололся, какой мы с ним сюрприз приготовили!

Инга посмотрела на Хвостова. Тот выдал смущённую улыбку. Всё это было неожиданно и приводило в смятение. Никогда прежде, ни в институте, ни на работе, Акулов не называл его Шуриком. Хвостов, конечно же, не ожидал такой фамильярности теперь, когда он стал начальником.

Что там было в коробке, даже гадать не стоило. Конечно же, не телевизор. Оставалось надеяться, что сюрприз не окажется идиотским розыгрышем.

К Инге Акулов кинулся так, словно они были давними, закадычными друзьями.

– Ну, привет-привет, родная! – воскликнул он, заключил в объятия, расцеловал в щёки и только тогда спросил. – Тебя как звать?

– Инга... Сорри, сэ: я одна, подруга не смогла...

– Ну и ладно, – отмахнулся Акулов.

– Давай помогу, – смущённый Хвостов потянулся к коробке.

– Давайте все вместе, – сказала Инга.

– Да она ж лёгкая, – бросил Акулов и, оставив коробку, прошёл в квартиру.

Хвостов тронул коробку. Она и впрямь оказалась лёгкой – словно пустой.

Александр пронёс её внутрь и поставил на пол в коридоре.

– Ну-у, откроем, – произнёс он неуверенно.

– Ты что! Ты что! – всполошился Акулов.

Он взглянул на Хвостова так, словно тот едва не испортил праздник.

– Так что там? – спросила Инга.

– Всему своё время, – ответил Дима. – Давайте сперва перекусим.

– Ну-у, заинтриговали, – Инга обвела мужчин лукавым взглядом. – Тогда за стол!

Акулов вытащил бутылку шампанского:

– Ингуль, убери в холодильник пока. Откроем вместе с нашим сюрпризом.

– А я пива накупил, – промолвил Хвостов.

– Ингуль, что будем – пиво или шампанское? – выкрикнул Акулов.

– Давайте шампанское, – откликнулась девушка.

Александр незаметно покачал головой: он у Акулова теперь был Шуриком, а его девушка – Ингулей. Впрочем, он не обиделся, так – скрипнул зубами, да и всё.

Сели за стол, и Акулов спросил:

– — Ингуль, а ты где учишься?

– — Спасибо за комплимент, но я уже четыре года как работаю, – ответила девушка.

Хвостов мысленно обругал себя. Он до сих пор не удосужился расспросить Ингу, где она работает или учится. Конечно, они только вчера познакомились. Но выходило, что он как самовлюблённый болван только о себе и рассказывал. Теперь он прикинул, что они с Ингой одного возраста. Его рабочий стаж составлял два года. Но за спиной были ещё два года армейской службы.

– — Я закончила МГУ, экономфак. Теперь работаю в Институте мировой экономики, – сообщила Инга.

– — О, наш человек! – воскликнул Акулов.

Дима в тот вечер был человеком-праздником. На него невозможно было сердиться. Можно было только дивиться: оказалось, что он ещё и таким бывает. Не человек, а матрёшка! Сколько в нём ещё личностей спрятано, не угадаешь.

Но более всего в тот вечер Хвостова поразили Димины речи. Именно речи – по-другому и не скажешь – так зажигательно Акулов тогда говорил. Он с восхищением, с благодарностью говорил о Горбачёве, о тех возможностях, которые генеральный секретарь ЦК КПСС представил предприимчивым гражданам.

– Кооперативы, варёные джинсы – это только начало, только начало. Вот увидите! Ингуль, – Акулов обращался к Инге за поддержкой. – Ты же экономист! Ты-то понимаешь!

У нас будут свои заводы, свои фабрики... Горбачёв, может, и сам ещё не знает, но всё это будет... Ингуль, ты-то понимаешь...

– Заводы, – с сарказмом повторил Хвостов.

– Вот увидите, – продолжил Акулов. – Через пять лет мы с вами будем ужинать в собственном дворце! Вот увидите! Вот спорим! Шурик, на что спорим? Давай на «Мерседес»! Если ты через пять лет не пригласишь меня к себе во дворец, то подаришь мне «Мерседес». А если я тебя не приглашу, то я подарю тебе «Мерседес». Идёт? Ингуль, разбей!

Хвостов попытался увернуться. Но Акулов всё же схватил его за руку, держал и смотрел на Ингу, пока она не сдалась и не разбила их спор.

– Через пять лет, Шурик, у нас будут дворцы, будут «Мерседесы»! – заявил Акулов.

– Димон, ты, кажись, до прихода к нам где-то успел набраться! – Хвостов рассмеялся. – «Мерседесы»! Где ты возьмёшь такие деньги?

– Да, – согласился Акулов, – пока мы никто. Не нули, конечно, но меньше единицы.

Что-то изменилось в его голосе. Инге показалось, что Александр скептическим тоном сбил гостя с оптимистической ноты.

– Ничего! Это пока вы меньше единицы, – заговорила она, чтобы исправить ситуацию. – А станете двойками, тройками, глядишь, и в отличники...

– Нет-нет-нет! – перебил её Акулов. – Плюс один, плюс два – так не пойдёт. Нужен сразу ноль с правой стороны, и не один. Меньше единицы, а завтра больше девяти...

– А деньги где? – Хвостов будто задался целью вернуть приятеля с небес на землю.

Но в следующий момент Александр поразился той искренности, с которой Акулов ответил. Дима не рисовался, не «колотил понты», а сказал простодушно:

– Деньги – это фигня. Сколько нужно будет, столько и заработаем.

Хвостов только бровью повёл.

А Дима будто включил второе дыхание праздничного вечера.

– Ну, что там шампанское? – спросил он. – Предлагаю с шампанским пойти на балкон. Заодно и сюрприз откроем. Ингуль, дай, пожалуйста, нож...

На балконе Акулов разрезал скотч, которым была обклеена коробка. Затем он открыл бутылку. Инга хотела раздать бокалы.

– Не-не-не, – остановил её Дима. – Пока что держи.

Он разлил шампанское по бокалам, оставшимся в руках у Инги. Затем повернулся к Хвостову.

– А теперь берём короб с двух сторон. Просовывай руки в щель, аккуратно, чтоб ничего не попортить. На счёт «три» каждый рвёт в свою сторону. Мы должны разорвать её. Готов? Раз-два-три!

Они разодрали коробку, и разноцветные воздушные шарики взмыли вверх. Инга хохотала от радости.

– За нас, ребята! За нас! – Акулов взял бокал из рук Инги.

Они чокнулись, выпили. Шарики летели всё выше и выше. Ветер уносил их в сторону насыпи Октябрьской железной дороги.

Инга обхватила Акулова за шею, расцеловала в щёки и замерла, прижавшись к нему. Глядя поверх её головы на Хвостова, Дима показал тому глазами вниз. Александр увидел два длинных свёртка на дне коробки. Он поднял их, развернул, внутри оказались цветы. Дима подал ему знак, чтобы сам вручил розы девушке.

Александр объединил цветы и вытащил одну розу, чтобы в букете осталось нечётное число.

– Готово? – воскликнул Акулов.

Он отпустил девушку, и она обернулась. Розы привели Ингу в восторг. Теперь она накинулась с поцелуями на Александра. До этого мгновения она думала, что Акулов из чувства

мужской солидарности включил Хвостова в авторы идеи с шариками. Но получив розы, она поверила, что сюрприз ребята готовили вместе.

В какой-то момент Хвостов подумал было отложить разговор, ради которого пригласил коллегу в гости. Но затем решил не менять своих планов. Парнем, конечно, Акулов был хорошим, но пора было призвать его к порядку.

Уже стемнело, когда они вдвоём вышли на балкон перекурить. После нескольких затяжек Хвостов сказал:

– Димончик...

Про себя он с удовольствием отметил, что очень удачно нашёл, как теперь самому обращаться к коллеге, раз тот стал называть его Шуриком. «Раз уж так, то ты мне даже не Димон. Ты мне Димончик», – с удовлетворением думал Хвостов.

– Димончик, ты уж прости, дружище, но я хочу пару слов сказать о работе. Старик, так нельзя. Ты ставишь меня в неловкое положение. Я же не хочу и не буду лишать тебя премии. Объявлять тебе выговоры, докладные писать? Тем более не буду. Старик, ты не обессуди, но если ты и дальше будешь так, я просто по-мужски набью морду...

Начав разговор, Хвостов ждал, что Акулов попытается перебить его. На этот случай Александр приготовился повысить голос, от дружеского тона перейти к металлу, попросить коллегу заткнуться и не перебивать. Но Акулов слушал его совершенно спокойно. Свет, падавший из-за раздвинутых штор, освещал его лицо, по-прежнему доброжелательно-весёлое. Слова Хвостова нисколько не обижали его и уж тем более не оскорбляли.

Александр ждал, что обещание набить морду заденет Акулова, он начнёт хорохориться. На этот случай Хвостов был готов применить силу. Но и эти слова не задели Диму.

Отреагировал он неожиданным для Хвостова образом. Выслушав назидание, Акулов затянулся в последний раз и, затушив окурок, сказал:

– Сань, да ты не парься. Я договорюсь с Вешняковым, он меня в кредитно-плановый переведёт, а тебе... Да вот ту же Людку дадут, пускай она и пашет.

Высказав эту идею, Акулов без всякой паузы добавил:

– Ну чего, идём, а то оставили Ингу скучать.

Разошлись они поздней ночью. Уговаривали Акулова остаться ночевать.

– Куда тебе? Метро уже закрыто, автобусы не ходят...

– Да не волнуйтесь, доберусь, – настаивал Акулов.

– Как ты доберёшься? На частнике? На такси? Так на «Мерседес» никогда не накопишь, – возражал Хвостов.

Но Акулов и тут удивил их. Он кому-то позвонил, сослался на какого-то Моисеича, продиктовал адрес и жестом показал Хвостову, что проблема решена, за ним уже едут.

Инга сидела за столом и сюсюкалась с котёнком. Хвостов с волнением думал о том, что девушка без всяких обсуждений оставалась с ним.

Минут через двадцать они вышли на улицу. Пока курили у подъезда, оказалось, что у Акулова в запасе были ещё и анекдоты. Хвостов с Ингой хохотали так, что соседи пригрозили окатить их кипятком.

Неожиданно к дому подкатил грузовик ЗИЛ-130.

– Карета подана, – сказал Акулов.

Они расцеловались с Ингой. Хвостов пожал ему руку и проводил до кабины. На дверце грузовика была надпись «Главмосавтотранс. Автокомбинат №4».

– Так это же наш клиент! – удивился Хвостов.

– Ну, естественно, – подтвердил Дима.

– Так Моисеич – это что же? Это ж директор четвёртого автокомбината Леонид Моисевич, – догадался Хвостов.

– Да, я его попросил диспетчера предупредить, – пояснил Акулов.

Уже стоя на подножке, он крикнул девушке:

– Ингуль! – Несколько мгновений он молча смотрел на неё, будто не успел выдумать, что сказать напоследок, а затем обронил: – Ну, пока...

Дмитрий сел на пассажирское место, хлопнула дверца.

– Умеет жить человек, – с оттенком зависти произнесла Инга.

Грузовик уехал, и они вернулись в квартиру.

– Фантастический чувак! – вынесла вердикт Инга.

Она бы сказала «фантастический мужчина», но не хотела вызвать ревность у Александра. Хвостов на это ответил, и годы и годы спустя ему было стыдно, болезненно стыдно за те слова, которые он тогда произнёс:

– Да балабол он каких свет не видывал! Какой ему «Мерседес», Инга! Он на «Запорожец» никогда не заработает!

Инга пожалала плечами и двинулась на балкон, обронив:

– Но с ним весело. Мы даже кино так и не посмотрели.

Почему Хвостову запомнился этот эпизод, запомнились его слова, он не знал. В тот момент он никакого значения им не придавал, просто сказал то, что думал о человеке, без всякой злобы.

Странным образом, несмотря на то, что он считал Акулова пустобрехом, в те минуты они с Ингой оставались в плену настроения, которое создал их гость.

Хвостову в тот момент более неожиданным казалось то, что о Дмитрие он думал «наш гость». Наш – имея в виду себя и Ингу. О ней и о себе он думал «мы», думал о том, что со временем пусть не во дворец, а в квартиру побольше они переедут вместе. А пушистый мурлыка – отныне их общий котёнок. Хотя знакомы-то были чуть больше суток и был всего один поцелуй.

Александр вышел на балкон за ней, задрал ей юбку и сорвал трусики. Она облокотилась на перила и податливо оттопырила зад. Они трахались, рискуя быть застигнутыми соседями. Да кто знает, может быть, какие-то полуночники видели их тогда. Но они пребывали во власти фантазии, что всё изменится, вот-вот изменится, завтра они переедут во дворец, а потому сегодня мысль о том, что кто-то их увидит, только придавала остроту чувствам.

Глава 4

В сентябре по многочисленным просьбам телезрителей Центральное телевидение Советского Союза повторно демонстрировало бразильский многосерийный фильм «Рабыня Изаура». Света Жукова поймала себя на том, что слушает подругу с той же жадностью, с которой её мать следила за перипетиями жизни рабыни-квартиранки.

– Короче, представляешь, я дала в первый же вечер прямо на балконе, – призналась Инга.

– На балконе! Охренела! – промолвила Света и затянулась сигаретой.

Дым потянулся к некурящей Инге, она обошла подругу с другой стороны и продолжила:

– Да как-то так всё сразу произошло. Как-то так... Ещё котёнок этот. Я, когда к подъезду подошла, слышу, мяукает кто-то. Жалобно так. Я его подобрала, бросить жалко, иду с котёнком. Сама думаю: ну ты, Молина, и дура, куда ты прёшься с котёнком. Саша дверь открыл, я с котёнком стою, у него вид сразу такой растерянный. И со мной чёрт знает что. Вдруг такое чувство, будто мы уже сто лет вместе. А ещё...

Инга рассмеялась, прикрыла ладошкой рот и покачала головой, показав, что больше откровенничать не будет.

– Чего? – требовательно спросила Света.

У неё было такое чувство, что во время сеанса отключилось электричество. И хотя вся страна знала досконально судьбу Изауры после первого просмотра в 1988 году, всё равно у Жуковой было ощущение, что ей обломали кайф на середине серии.

– Ну, чего? – повторила она, щёлкнув подругу по руке. – Не-е, ну, нормально! Колись давай! После того, как на балконе дала, что ещё может быть!

– Да ещё не дала, только вошла...

Инга с мольбой посмотрела на подругу, но та не отводила требовательного взгляда. Молина сдалась.

– Ты понимаешь, когда мы только познакомились, ну, короче, когда я Женьку отшила, он такой серьёзный, такой основательный, рассудительный такой, куда деваться! А тут я с котёнком на пороге, а у него такой растерянный вид! Короче, у меня такое чувство, как будто я не с котёнком стою, а как будто мы уже сто лет вместе, и я типа вошла и сказала, что я беременна.

– Чего? – удивилась Света. – Молина, да ты вообще не в себе, блин! А потом-то что?

– А потом. А потом Дима приехал. Вот зря тебя не было! Офигенный мужик! Блин, он когда вошёл, я про себя думаю: твою мать, господи, что ж ты делаешь, вот на фига, думаю, ты создал двух таких мужиков, почему одного из них не сделал!

Тут Жуковой почудился пробел в предыдущей серии. Выпустив дым, она спросила:

– Так ты кому из них дала-то?

– Да с Сашей я теперь! – ответила Инга. – Дима на ЗИЛе уехал. Знаешь, он, когда на ступеньку грузовика встал, смотрит так на меня, во взгляде всё написано: мол, решай, подруга, поехали со мной!

– Ну, а ты чего?

– А я Сашку выбрала...

– Ну да! Ты же королева! Чего тебе грузовик, ты на балконе...

– Знаешь, этот Дима, он такой... Если бы он за мной на ЗИЛе приехал, я, может быть, и поехала бы. А он не за мной, он по своим делам, а я так, попутно...

– Девчонки, вот вы где! – На крыльцо вышла Надежда Сергеева. – Мы придумали, что подарить Таранковой.

– Что за идея? – спросила Света.

– В Измайлово на вернисаже продают электрические самовары, разрисованные под хохлому, под гжель, разные там. Идут по десятке. С вас по рублю. Ну и съездить бы нужно. Инга, у тебя сегодня какое-то настроение нерабочее. Может, съездишь?

– Если Светка компанию составит, – ответила Молина.

Жукова потушила окурков и посмотрела в небо.

– Дождя вроде не обещали. Так я за любой кипиш в хорошей компании. Едем!

Надежда протянула Инге две купюры, пятёрку и трёшку, и напонила:

– И с вас по рублю.

– Схожу за сумочкой, – сказала Инга.

– Мою прихвати, – попросила Света и достала из пачки новую сигарету.

Инга поднялась по ступенькам и скрылась в здании. Надежда жестом попросила у Жуковой сигарету. Закурив, она кивнула на двери института и промолвила:

– Какая-то она сегодня волшебная.

– Хахаля нового завела, – сообщила Жукова.

– Женьку-то?

– Да не-е! Ты отстала от жизни. Женьку она уже бортанула.

– Правильно сделала. Он мне сразу не понравился, – сказала Надежда.

Света окинула взглядом входные двери и, понизив голос, доверительно рассказала:

– Надюх, ты прикинь, она влюбилась в какого-то чувака и дала его другу на вечерине, прямо на балконе!

– Фига себе!

– И знаешь, что говорит? – Света выдержала драматическую паузу.

– Что?

– Говорит, жалко, что чуваки не вдвоём её...

– Хрена себе! – Надежда обернулась на входные двери. – А по виду не скажешь. Скромная такая!

– В тихом омуте, – промолвила Света и, сделав страшные глаза, низким голосом добавила. – Только ты это! Никому!

– Сейчас пойду и всем расскажу! – с сарказмом произнесла Надежда, изобразив возмущение от того, что Жукова предположила подобное.

На улицу вышла Инга Молина.

– Ну что, двинули?

– Давайте, девчонки, – промолвила Надежда, с интересом глядя на Ингу.

Подруги пошли к автобусной остановке. Надежда несколько мгновений смотрела в спину Молиной, а затем развернулась и поспешила на рабочее место.

Инга словно спиной чувствовала взгляд и обернулась только тогда, когда Сергеева переступала порог института.

– Ты чего, ей рассказала чего? – спросила Инга.

– Ты чего? С какой это стати? – Света изобразила возмущение ещё большее, чем только что изображала Надежда.

Уже в автобусе Жукова спросила:

– А Джон-то что?

– Женька? – пожала плечами Инга.

– Ты ему сказала?

– Да когда? Я ж с четверга его не видела. Может, он и звонил, так меня же дома не было. Я только в воскресенье поздно ночью вернулась. А сегодня сразу после работы к Сашке.

– А сегодня-то он не звонил? – не унималась Света.

– Наверное, ждал, что я позвоню, а может, сейчас звонит, – пожала плечами Инга и пропела. – А мы на вернисаже, а мы на вернисаже... А чего с ним говорить? У нас с ним и не было ничего.

– Ну вот, блин! Тебе всё, а я с предками на даче. Огурцы закрывали. Теперь на всю зиму огурцы, картошка свои...

На вернисаже лотки с самоварами находились у самого входа. Но подруги прошли мимо, решив прогуляться между рядами.

Они миновали развалы с плетёными корзинами и берестяными туесками, покрутились друг перед дружкой, примеряя платки, остановились возле прилавка с панно из полимерной глины.

– Слушай, нужно иметь в виду. Тут можно неплохой подарок подобрать, – сказала Инга. Она рассматривала панно с рельефным изображением трёх котов с пивными кружками.

– Смотри, – потянула её Света, – видеокассеты.

– А-а, – Инга скользнула равнодушным взглядом по коробкам с видеофильмами и обронила. – А у Сашки дома свой видак есть...

– Ничего себе, – с восхищением ответила Жукова. – И он незнакомых девушек водит. Смелый парень!

– Ладно, пошли, – сказала Инга.

Они вернулись к развалам с электросамоварами. Пока выбирали, к продавцу, сухощавому мужчине с выцветшими усами, подошёл приятель. Молина уловила, что они говорят о банке, и поневоле прислушалась. Теперь всё, что напоминало о Саше, подавало жару в сердце.

– Счёт так и не открыли, – донеслось до слуха. – Непонятная какая-то бюрократия. Исполком зарегистрировал фирму. Что ещё банку нужно?

– Извините, что вмешиваюсь, – сказала Инга.

– Да-да, – засуетился продавец. – Выбрали? Вы себе или в подарок?

Его приятель смотрел с досадой, но и с интересом. Им было лет по сорок. Они бы проявили больше галантности к молоденьким покупательницам, если бы не какие-то проблемы.

– Да мы выбираем, – ответила Инга. – Но я не про то. Я слышала, что у вас какие-то трудности с банком. А у меня муж в банке работает.

Жукова с изумлением посмотрела на подругу поверх самовара, который держала в руках.

– Да-а. И что? – протянул приятель продавца.

– Ну-у, я думаю, он мог бы подействовать, – сказала Инга. – Вы запишите наш телефон и позвоните сегодня вечером. А я попрошу его...

– Да-да, давайте, – приятель продавца оживился.

Он вытащил записную книжку, достал шариковую ручку и по-собачьи преданными глазами уставился на Ингу.

– А-а, сейчас, – протянула Молина и тоже полезла в сумочку за записной книжечкой.

Она листала её в поисках страничек на букву «Х», где сделала последнюю запись: «Хвостов Саша» – и номер телефона.

– Вы наш ангел-спаситель, – произнёс продавец. – А то моя матушка затеяла коммерцию, а счёт в банке открыть не можем никак. А вас как зовут?

– Инга.

– Запиши: Инга, – сказал продавец приятелю. – А меня Ларик зовут.

– А фамилия? – поинтересовался приятель. – Я по фамилиям в книжку записываю...

– Молина. Нам телефон недавно поставили. Даже номер ещё не запомнила, – пояснила она свою возню с записной книжечкой. – Вот, записывайте.

Мужчина старательно записал номер, убрал записную книжку и с энтузиазмом сказал:
– Я позвоню! Меня Виктор Викторович зовут.

– А самовар? Вам вот этот нравится? – подключился Ларик.

– По мне, что надо, – сказала Жукова. – Такая тематика осенняя.

Самовар был расписан сказочным пейзажем с деревьями, изгибавшимися под ветром и ронявшими охряно-пятнистую листву.

– Десять рублей, – объявил Ларик и поспешно добавил. – Но вам отдам за восемь.

Инга переглянулась со Светой и протянула продавцу восемь рублей. Тот вытащил из сумки картон, превратил его в коробку и упаковал самовар.

– Мы позвоним. В девять не поздно будет?

– Звоните-звоните, – улыбнулась Инга.

Подруги направились к станции метро.

– По рублю сэкономили, – с удовлетворением промолвила Инга.

– Молина, ты прям с цепи сорвалась, – сказала Света.

Глава 5

Во вторник Александр пребывал в некоторой рассеянности. Со стороны казалось, что он, всегда серьёзный и собранный, теперь боролся со снизошедшим на него благодным настроением, причём явно проигрывал. Его губы то и дело против воли растягивались в улыбку.

– Ты какой-то сегодня весь день не такой, – заметил Акулов. – Кстати, как у тебя с Ингой?

– Вот в ней всё и дело, – признался Александр.

– Чем же это она успела тебя так осчастливить? – спросил Дмитрий.

– Да вчера такой фокус выкинула. И я не пойму, как к этому делу относиться. То ли как-то сказать, чтобы попридержала коней, то ли чёрт его знает – пусть несут...

Акулов уронил на стол газету и повернулся к коллеге:

– Не понял, она что, в загс уже тащит?

– Бери круче, Димон, – ответил Александр.

Он перестал противиться настроению, и счастливая улыбка засияла на его лице.

– Ребёнок будет, – выдал Акулов то, что пришло в голову, но тут же сам и поправился. – Не может быть, рано ещё... Так чего круче?

Он опустил глаза и взял в руки газету.

– Ты понимаешь, она ведёт себя так, как будто мы уже побывали в загсе, – поведал Александр.

– А-а, – протянул Дмитрий.

– Вчера она с подругой была в Измайлово. Там познакомилась с какими-то кооператорами. А у тех какие-то заморочки, счёт в банке открыть не могут. Она им и говорит: у меня муж в банке работает, вы, дескать, позвоните. Ну, ты понимаешь, она про меня им сказала, что я её муж...

– Ну и что? Кооператоры какие-то, – пробормотал Дмитрий, бросив взгляд на Александра.

Тот продолжил:

– Ещё какие кооператоры! Сейчас вообще упадёшь. Звонит вечером этот Ларик. У меня, говорит, мама профессор математики, они с подругой – та тоже профессорша – фирму открыли. Передаёт маме трубку. По голосу точно бабка. Но такая, бойкая бабулька. Приглашаю, говорит, в гости, мы, говорит, с профессиональным банкиром хотим планы обсудить...

– Чёрт, уже и старые профессора подались в капиталисты, а мы тут сидим, – проворчал Акулов.

– Так ты прикинь, сегодня вечером мы идём к ним, они где-то на Арбате живут, и мы говорим, что мы муж и жена...

– Слушай, а как ты с ней вообще познакомился, с Ингой? – перебил Акулов коллегу.

– Да я ж тебе рассказывал. Вон там, – Александр указал в окно. – На той стороне, по моему, даже отсюда видно, видеосалон есть. Короче, я мимо иду, а там какой-то чувак с девушкой ссорится. Я смотрю на неё, такая красавица, волосы белокурые, причёска, губы накрашены, но так всё со вкусом таким, как-то вот знаешь так утончённо...

– Блин, ну ты поэт...

– — Да ты секи, я смотрю на неё и понимаю, что она для этого дурака старалась, вот чтоб он по улице шёл, а рядом с ним такая красавица! А это кретин тащит её в видеосалон, в духотищу эту! Вот думаю, если бы ради меня такая девушка так старалась. И что ты думаешь, этот дебил оставил её на улице, а сам пошёл видео смотреть!

– — Ну, не у всех же свои видаки имеются, – обронил Акулов. – А вообще отличная девушка. Плюс образование экономическое...

– — При чём здесь это? – спросил Александр.

– — Когда муж читает Маркса, а жена Энгельса, то есть шанс на мир и гармонию в семье, – объяснил Акулов. – А вот если она читает Менделеева...

– — Ну вот! Уже и ты заговорил как о муже с женой, – фыркнул Хвостов.

– — О ком? О Марксе с Энгельсом? – рассмеялся Акулов.

Раздался предупредительный стук, дверь отворилась, в комнату заглянула Жанна, секретарша управляющего.

Она носила причёску каре, но в отличие от многих привержениц этого стиля красила волосы в чёрный цвет. Глаза у Жанны были томные, губки пухлые, чёрный жакет и белоснежная блузка завершали образ. Хвостову казалось, что стоит расслабиться, как руки сами потянутся попробовать на ощупь упругость попы, затянутой в узкую чёрную юбку.

– Саш... – позвала она.

– Александр Борисович, Александр Борисович, – поправил её Хвостов.

После назначения начальником он требовал от рядовых сотрудников обращения по имени-отчеству.

– Управляющий тебя зовёт, – сказала своенравная Жанна и с иронией в голосе добавила: – Александрыч Борисович!

Он поднялся из-за стола. Девушка хотела уйти, но её окликнул Акулов:

– Жанна! Останься со мной! Юрьич всё равно тебя не хватится, пока Шурик займёт его. А то у него счастливая любовь, а меня все бросили...

– Кто ж тебя бросил-то, Димочка? – кокетливо спросила Жанна.

Хвостов оставил их вдвоём в кабинете.

Андрей Юрьевич Вешняков был тучным мужчиной шестидесяти лет. За два года работы Хвостов так и не понял, разбирается ли начальник хоть сколько-то в банковском деле. Подозревал, что нет.

Вешняков практически никогда не выходил из своего кабинета. Время от времени с важным видом он выезжал на чёрной «Волге» на совещания в вышестоящую контору, то есть в Московское городское управление Промстройбанка СССР или в райком-исполком Кировского района.

Участие в работе отделения банка выражалось в том, что Андрей Юрьевич регулярно читал докладные записки, которые писали сотрудники, а машинистка перепечатывала в четырёх экземплярах. Один из экземпляров ложился на стол руководителя. Через некоторое время докладная возвращалась автору с собственноручными пометками Вешнякова. Андрей Юрьевич зелёным фломастером подчёркивал отдельные предложения.

Вот эти-то отметки и укрепили мнение Хвостова о том, что их руководитель ничего не смыслит в профессии. Александр перечитывал собственные докладные и видел отмеченными зелёным фломастером красивые фразы, но не текст с изложением сути вопроса. Хвостов стал специально вставлять в отчёты выражения, более уместные для доклада с трибуны, и веселился, когда высокопарные словеса возвращались подчёркнутыми жирными волнистыми линиями.

– Скажи, пожалуйста, Александр Борисович, – озабоченным тоном попросил Вешняков. – А что у тебя с Акуловым? Какие-то трения? Мне всегда казалось, что вы отлично ладите.

– Трения? С Акуловым? – изумился Хвостов.

– Ну, подумай. Вы не ссорились? – настаивал Андрей Юрьевич.

Александр развёл руками. С чего вдруг управляющему пришла в голову мысль о трениях между ним и Акуловым? Кто мог подать такую идею? Мелькнула догадка, что вопрос как-то связан с посиделками в пятницу. Но не мог же Акулов пожаловаться на угрозы Хвостова набить ему морду.

– Андрей Юрьевич, честное слово, нормальные у нас отношения, работаем. А что такое?

– Видишь ли, Акулов вчера попросился в кредитно-плановый отдел, – сказал Вешняков.
– Ах, вот в чём дело!

Хвостов вспомнил об обещании Дмитрия договориться с управляющим о переводе. В интересах Александра было поспособствовать этому.

– Да, он попросился в кредитно-плановый. А вместо себя даже Людмилу Оношко порекомендовал, – сообщил управляющий.

– Да-да! – подтвердил Александр. – Он говорил об этом. Он просто хочет набраться больше опыта. А то мы два года занимаемся стройками...

– Ты так горячо ратуешь за его перевод, словно хочешь избавиться от него, – насторожился Андрей Юрьевич. – Он чем-то не устраивает тебя? Плохо работает? Опаздывает? Давай накажем его. Сократим квартальную премию.

– Да нет-нет! Что вы? У меня нет к нему никаких нареканий, абсолютно никаких, – заверил Хвостов управляющего.

– В таком случае давай пока воздержимся от перемещений. Пока что это нецелесообразно, – сказал Андрей Юрьевич. – Вы же совсем недавно работали в кредитно-плановом.

– Да, но мы же и там занимались стройками. Просто вы нас в самостоятельный отдел...

– Я знаю, – оборвал управляющий Хвостова. – Сейчас что-то менять нецелесообразно. Будет правильным, если Акулов останется под твоим руководством. Со временем ты пойдёшь на повышение. А он займёт твоё место. Я думаю так.

Хвостов растерялся. Мелькнула мысль объяснить доверительно управляющему, что из Акулова не выйдет толкового сотрудника. Но он промолчал. Он подумал, что Вешняков урежет Диме квартальную премию. В ту минуту Хвостов пожалел товарища.

А когда вышел из кабинета управляющего, то стал корить себя за малодушие. Нужно было всё же не церемониться. Он не нянька Акулову.

Но с другой стороны, кто знает, чем бы обернулся доверительный разговор с начальством. Вешняков мог сделать вывод о том, что из самого Хвостова руководитель никудышный, раз он с одним подчинённым справиться не может. А ведь он прямо сказал, что его ждёт повышение. Ради этого стоило потерпеть, оставить всё как есть, дожидаться карьерного роста и тогда уж наверняка отделаться от лоботряса Акулова.

А как обрадуется Инга, когда узнает, что ему обещали повышение!

В этот момент из помещения кредитно-планового отдела вышла Зинаида Ивановна, заместитель управляющего. Увидев стоявшего в коридоре Хвостова, прикрикнула:

– Что стоишь? Что, работы нет? Иди, работай...

«Карга! – подумал Александр, глядя вслед ковылявшей старухе. – Недолго тебе осталось».

Он с удовольствием представил себе, как займёт её кабинет, как девчонки в кредитно-плановом отделе будут затихать при его появлении.

Ради этого стоило потерпеть и всё оставить по-прежнему.

Едва он потянул на себя дверь кабинета, как навстречу вылетела раскрасневшаяся с расчёпанными волосами Жанна. Акулов при появлении коллеги спрятался за газетой. Хвостов почувствовал раздражение. Он только что прикрыл коллегу, не сдал его руководству, а тот и в ус не дул.

– Ну чего там? Переводят меня? – спросил Акулов.

Получалось, он знал, по какому поводу Вешняков вызывал Хвостова. А ведь мог бы и предупредить. Александр подготовился бы, продумал бы, что сказать, чтобы сплавить Акулова.

– Хренушки тебе, а не кредитно-плановый, – ответил Хвостов.

– Чего так? Я же говорил с ним?

– Ты чего ему наплёл? Что я твоей работой недоволен? – вспыхнул Александр.

Дмитрий фыркнул и покрутил пальцем у виска.

– Он это так понял. Что ты плохо работаешь и что я хочу от тебя избавиться, – добавил Хвостов. – Хотел премии квартальной лишить тебя...

– Да лишил бы, – буркнул Дмитрий.

– Можно подумать, тебе деньги не нужны, – обронил Александр.

Он прошёл к своему стоявшему у окна столу. Дмитрий сложил «Известия», развернул «Коммерсантъ» и, уткнувшись в газету, добавил:

– Да просто он валенок тупой. Делает вид, что всё происходит по какому-то его плану. На самом-то деле он ни хрена не понимает и просто боится любой самостоятельности.

Александр смотрел на макушку коллеги, видневшуюся над газетой. Пользуясь тем, что и Акулов не видит его, Хвостов не скрывал эмоций – смеси удивления с презрением. Акулов рассуждал о том, что их руководитель не слишком-то умный. Это говорил человек, который за два года не удосужился выучить список документов, необходимых для открытия финансирования, не говоря уж о том, чтобы вникнуть в суть этих документов.

– Ты считаешь, он сам надумал создать наш отдел и тебя начальником назначить? – продолжал Акулов. – Да ни фиги. Это ему в головной конторе подсказали.

– С чего ты взял?

Дмитрий опустил газету и посмотрел на Хвостова.

– А ты как думал? – сказал Акулов. – Они ж отслеживают сотрудников. Наверняка сказали ему: чувак, у тебя там два перспективных кадра. На повышение сейчас вакансий нет, а удержать как-то нужно. Вот и придумали изменить штатное расписание...

«Это ты-то перспективный кадр!» – ухмыльнулся в уме Хвостов.

Однако ему понравилась мысль, что в головной конторе держат его на карандаше. Пожалуй, Акулов был прав.

Внезапно приоткрылась дверь, и в проём заглянул мужчина в чёрном костюме. Это был Олег Иванович Нардюжев, глава некой загадочной структуры, называвшейся «Национальной Академией Общечеловеческих Ценностей». Сокращённо её в банке называли «НАОЦ» или «Академия».

Олег Иванович время от времени приезжал в отделение банка, поражая всех разнообразием деловых костюмов, сидевших на нём с фантастической элегантностью. Людмила Оношко утверждала, что Нардюжев никогда не надевал одно и то же дважды. Каждый раз новым было всё: от ботинок до галстука.

Мужскую же часть коллектива, включая инкассаторов и милиционеров, дежуривших в банке, занимали автомобили. Нардюжев приезжал на бежевой «Вольво-740» с водителем, добродушным увальнем, который охотно рассказывал о тачке, пока шеф занимался делами в банке.

Однажды Олег Иванович приехал сам за рулём, только уже не «Вольво», а двухместного купе. Пока он находился в отделении, на улицу сбегали почти все сотрудницы. Мужчины и вовсе не отходили от «Ягуара». Такого рода автомобили уже мелькали на московских улицах. Но никому из присутствующих прежде не доводилось увидеть подобное чудо вблизи, потрогать руками, понюхать.

Практически все посетители банка по возможности избегали общения с заместителями управляющего, Зинаидой Ивановной и Любовью Николаевной. Те всегда придирались и общались с посетителями на повышенных тонах. Все старались решать вопросы с рядовыми сотрудниками. К бабкам обращались в крайних случаях.

Нардюжев же каким-то чудом нашёл общий язык и с той, и с другой. Они кипятили чай, Олег Иванович доставал печенье, конфеты, сыпал шутками, смеялся. Бабульки хохотали и соб-

ственнолично помогали ему заполнить любую бумажку, нужную для совершения денежных операций.

Нардюжеву было около тридцати. Обеим бабушкам он годился в младшие сыновья, а то и в старшие внуки. Рядовых сотрудников он вниманием не достаивал.

Теперь Нардюжев, прежде даже не всегда здоровавшийся с Акуловым и Хвостовым, вдруг заглянул к ним в кабинет и доверительным тоном спросил:

– Парни, а где у вас туалет?

Акулов свернул газету и, поднявшись из-за стола, сказал:

– Пойдёмте, я провожу.

«Ага, давай, ещё член ему поддержи!» – со злостью подумал Хвостов, которого в равной степени раздражали высокомерие одного и безалаберность второго.

Он вздохнул, потому что знал, что разговор с Акуловым окончен, всё останется как прежде, придётся терпеть и работать за двоих ради будущего повышения по службе.

Глава 6

Дмитрий проводил посетителя в конец отделения, показал на нужную дверь и остался снаружи дожидаться Нардюжева.

Тот вышел и сразу же направился к выходу. Акулов последовал за ним и на ходу завёл разговор:

– Олег Иванович, у меня есть предложение к вам.

– О! – ответил Нардюжев.

В его восклицании удивительным образом соединились одобрение и скепсис в том, что предложение окажется дельным.

– Просто я вижу, сколько времени вы теряете здесь, а вопросы-то чисто технические, они должны решаться по щелчку...

– Старик, – понизив голос, доверительно ответил Нардюжев. – Ты же сам понимаешь, тут щелчки такие, что лоб разобьёшь. А у меня всё должно быть чётко. Если нужно, чтобы платёж ушёл сегодня, значит, сегодня, а не так, чтобы мне вернули платёжное поручение с идиотскими замечаниями...

За разговором они вышли на улицу. Водитель «Вольво» вывалился из машины и открыл заднюю дверь для шефа.

– Вы можете делать всё через меня просто по звонку. Нужен платёж, позвонили, я заполнил платёжку и всё...

– А если не пройдёт? – возразил Нардюжев.

– Да как не пройдёт? – усмехнулся Акулов. – Надо будет, я свою визу поставлю. Операционный отдел за моей визой пропустит всё... Ну, вам только нужно будет доверить мне чистые бланки с подписями и печатями...

– Уверен? – Нардюжев смерил Акулова взглядом.

– Сто процентов, – ответил Дмитрий.

– Ладно, попробуем, – согласился Олег Иванович. – А тебе что за это?

– За что? – Акулов изобразил удивление. – Да тут не за что. Я же вам говорю, это всё по щелчку должно быть. Если б не самодурство...

– Ладно, – перебил его Нардюжев. – Пятьсот в месяц устроит?

– Ну-у, как знаете, – ответил Дмитрий.

Олег Иванович протянул руку, они обменялись рукопожатием, и он сел в машину. Водитель закрыл дверцу и, подмигнув Акулову, полез за руль. Пока он усаживался, Нардюжев опустил стекло и окликнул Дмитрия:

– Слушай! Если ты такой деловой, может, деньги найдёшь, которые я неделю назад послал...

– Конечно, найду, – ответил Дмитрий.

Он с полуслова понял, о чём шла речь. Отправленные платежи порой недели, а иногда и месяцы не доходили до получателей.

Нардюжев протянул Акулову экземпляр платёжного поручения. Дмитрий взял документ.

Штамп банка на документе означал, что клиент сдал платёжное поручение в банк, но отнюдь не означал, что платёж был исполнен. Денег у плательщика могло и не быть. Тогда документ попадал в картотеку и находился там, пока на расчётном счёте плательщика не появились деньги.

Если на платёжном поручении, помимо штампа, стояла круглая печать банка, это означало гарантию, что деньги перечислены по указанным реквизитам. Такой документ так и назывался: «платёжное поручение с исполнением».

Итак, такой документ гарантировал, что плательщик заплатил. Но гарантии в том, что деньги дойдут до получателя, не было. Расчёты в те времена производились посредством физического обмена документами. А бумажки в пути могли запросто затеряться.

Акулов заглянул в графу «Банк получателя». Таковым оказалось Мытищинское отделение «Уникомбанка». Уже легче, если учесть, что для розыска могла понадобиться поездка.

– Попробуй помочь, – без особой надежды попросил Нардюжев.

– Сделаю, – уверенно ответил Дмитрий.

– Кстати, ты в футбол играешь? – спросил Олег Иванович.

– Играю, конечно! – воскликнул Акулов.

– Мы по субботам с друзьями в футбол играем. Договорились со школой одной. На улице Намёткина. Школа девятнадцать. После обеда футбольное поле наше. Подтягивайся к трём. Потом в Тетеринские бани рванём. . .

– Отлично! – ответил Акулов. – А то я года два не играл, не с кем было!

Он рубанул кулаком воздух, показав, что поиграть в футбол рад куда больше, чем пятистам рублей в месяц.

– Давай тогда! – махнул рукой Нардюжев и, поднимая стекло, добавил. – Завтра заскочу, оставляю тебе бумаги. Всё как договорились.

Автомобиль сдал назад и, фыркнув, помчался в сторону Садового кольца. Когда машина исчезла из виду, Дмитрий чуть не бегом вернулся в банк.

– Ты в футбол играешь? – спросил он Хвостова.

Александр оторвался от проекта реконструкции цеха Останкинского молочного завода и с оттенком негодования посмотрел на Дмитрия.

– Да какой сейчас футбол. . . – промолвил он.

– Нет, ты скажи, играешь или нет? Вообще играл когда-нибудь? Всерьёз? – не отступал Акулов.

– Нет. . .

– Плохо, – сказал Дмитрий. – Ну да ладно, у тебя ж молодая жена, тебе не до футбола. . .

Александр хмыкнул и вернулся к работе над документами по реконструкции цеха. Акулов уселся за стол, откинулся назад и уставился в потолок, раскачиваясь на задних ножках стула. Вдруг он замер и провозгласил:

– Пионеры всей страны делу Ленина верны! Вот они-то и нужны! – он перевёл взгляд на коллегу. – Слышь, ты не знаешь, как во Дворец пионеров позвонить. . .

– Понятия не имею, – буркнул Александр.

Дмитрий выскочил из кабинета и направился в приёмную управляющего. При его появлении щёки секретарши залились румянцем.

– Ты чего? – прошипела она. – Нас застукают!

– Слушай, у тебя нет телефона Дворца пионеров? – спросил Акулов.

– А у нас разве есть Дворец пионеров? – удивилась девушка.

– Здрасьте, приехали! – воскликнул Акулов. – Давно ли ты красный галстук носила?

– Да у нас никогда его не было, – стояла на своём Жанна.

– На Ленинских горах! – напомнил Дмитрий.

– Так он и обслуживается в каком-нибудь районном отделении, – сказала девушка.

Акулов артистично хлопнул себя по лбу.

– Мать, ты меня не так поняла. Но ты дала гениальную подсказку!

– А что мне за это будет? – игривым тоном прошептала Жанна.

– Открывай свой справочник, – скомандовал Акулов. – Найди-ка мне телефон Фрунзенского отделения Жилсоц. . . То бишь теперь уже «Мосбизнесбанка».

– Справочник старый, – промолвила девушка. – Госбанковский. . .

– Значит, Фрунзенское отделение Госбанка, – подсказал Дмитрий.

Жанна выписала на листок номер телефона и отдала Акулову. Тот послал девушке воздушный поцелуй и выскользнул из приёмной.

– Шурик, ты помнишь Ирку Фролову? – спросил Дмитрий, вернувшись на рабочее место.

– Ну да, – ответил Хвостов.

– Она же по распределению попала во Фрунзенское отделение Жилсоцбанка. Наверняка, Дворец пионеров у них и обслуживается. Дай-ка мне телефон.

Телефон в комнате был один и стоял на столе Хвостова. Александр передал аппарат Дмитрию, тот начал крутить диск.

– Девушка, – произнёс он, когда на другом конце сняли трубку. – А как бы мне услышать Фролову Ирину Игоревну? По другому номеру... Вот сука!

Акулов опустил трубку, тут же вновь приложил её к уху и повторно набрал номер.

– Девушка, вы трубочку не бросайте, – произнёс он начальственным тоном. – Я вообще-то из головной конторы звоню, Аксёнов – моя фамилия. Я сейчас не в своём кабинете и справочника нет под рукой. Так что будьте добры, продиктуйте мне номер телефона Ирины Игоревны. Так... так... да... спасибо!

Он дал отбой и тут же набрал продиктованный номер.

– А кто такой Аксёнов? – спросил Хвостов.

– Понятия не имею, – обронил Дмитрий и переключился на новую собеседницу. – Алло-алло! Ира? Фролова? Привет-привет! Я тебя по голосу узнал. Это Дима Акулов.

Он наговорил разных любезностей, пообещал повидаться на днях, заполучил номер телефона Дворца пионеров и через пару минут упражнялся в красноречии с новой девушкой.

– Алло! Мне нужно расписание тренировок футбольной секции. Сегодня есть занятие? Есть? Во сколько, говорите? В пять часов заканчивается. Хорошо. Вы мне очень помогли.

Акулов положил трубку, перевёл сочувственный взгляд на Александра и сказал:

– Шурик, на сегодня я тебя покидаю. Прикрой, если что. Инге привет передавай!

Хвостов ответил сердитым взглядом.

Без десяти пять Дмитрий сидел на деревянной скамейке и наблюдал за тренировкой юных футболистов. Крепкий, спортивный старик, лет шестидесяти по виду, под конец занятия разделил подростков на две команды и объявил игру. Закипели страсти. Тренер взял на себя судейство и носился по полю с таким азартом, что Акулову не верилось в завершение матча в пять часов.

Впереди, через пару скамеек от Акулова, сидел ещё один человек. Должно быть, отец одного из игроков. Его одинокая фигура вызвала смутное беспокойство. Сперва Дмитрий отметил, что пальто и видневшийся ворот шерстяного свитера тяжеловаты в ясный, безветренный день при десяти градусах тепла. Пальто к тому же не мешало бы почистить.

Незнакомец не вертелся, как делал бы человек, следивший за игрой, а сидел неподвижно. «Должно быть, уснул», – подумал Акулов. Но тут мяч полетел прямёхонько в голову незнакомца. Мальчишки хором взвыли. Но незнакомец спокойно отклонился, поймал мяч рукой и запустил обратно на поле. Боязливый мальчишечий хор преобразился в восторженные крики.

Ровно в пять часов, к удивлению Акулова, тренер остановил игру и объявил занятие оконченным. Ребята роптали от досады, но наставник не поддался. Сам он, только что носившийся по полю, в одно мгновение успокоился, словно в его сердце переключился рубильник с режима азарта на режим безмятежности.

Подростки окружили тренера, и он говорил с ними, шутил и смеялся, расходиться не торопил. Акулов понял, что он обучал их не только гонять мяч, но и владеть эмоциями, не поддаваться чувствам.

Наконец, ребята потянулись к корпусу с раздевалкой и душем. Акулов спустился на поле и окликнул тренера:

– Игорь Александрович!

Имя подсказали во Дворце пионеров.

– Да!

– У меня к вам дело крайней для меня важности, – сказал Дмитрий.

– Не представляю, о чём вы. Кто вы?

Акулов приблизился. Они оказались одного роста, может быть, Дмитрий самую чуточку выше.

– Меня зовут Димой. Тут такое дело. Сегодня вторник. Впереди есть три дня – среда, четверг и пятница. За это время мне нужно научиться играть в футбол. Я готов заплатить, – он вытащил тридцать рублей.

Тренер с сожалением глянул на красные десятирублёвые купюры, затем посмотрел в глаза Акулову. Тот секунду выдержал, а затем признался:

– Я обещал друзьям в субботу сыграть, сказал, что умею...

– Соврал? – спросил тренер.

– А это в субботу выяснится, – вздохнул Акулов.

– Ты это убери, – Игорь Александрович кивком указал на купюры. – Не нужно деньгами разбрасываться. Давай так. Если к вечеру пятницы научишься, деньги возьму. Не научишься – считай, что мы не знакомы. Начнём завтра с утра, в восемь. В шесть вечера смогу ещё одну тренировку провести.

– Игорь Александрович, – с чувством произнёс Акулов. – В пятницу деньги ваши, я не подведу!

– Ладно, идём, – Игорь Александрович хлопнул по плечу Дмитрия и вдруг, что-то вспомнив, с досадой протянул. – Эх, ёлки! Этот ещё тут...

Он смотрел на незнакомца в грязном пальто.

– А кто это? – спросил Акулов.

– Бродяга какой-то, – пояснил Игорь Александрович. – Пристал как банный лист. Просится ночевать в раздевалке. Вот куда его? И в милицию сдавать не хочется, и тут не оставишь, тут же дети всё-таки...

Игорь Александрович направился к зрительской трибуне, заговорив на ходу:

– Товарищ, иди ты отсюда, иди от греха подальше. Не могу я тебе помочь при всём желании...

Незнакомец поднял голову, взглянул на приближавшихся мужчин глазами усталыми и по-волчьи злыми. Вдруг Акулов понял, что знает этого человека.

– Серёга! – сорвалось с его уст.

В глазах человека в пальто промелькнуло любопытство, но такое угрюмое – было ясно, что хорошего от встречи со знакомым он не ждал.

– Ну, ты помнишь? Я Дима Акула. Ты, когда в десятом учился, в поход нас водил, я тогда в седьмом был. Мы тогда ещё на майские в речке купались! У-ух, холодно было...

– А-а, – протянул Сергей Мирогорский.

– Игорь Александрович, – Акулов подал руку тренеру. – Завтра в восемь, как договорились. Вы не волнуйтесь, это мой товарищ...

У старика промелькнуло в глазах одновременно и облегчение, и тревога.

– Ребята, только тут не нужно оставаться. Сами понимаете, Дворец пионеров, тут дети...

– Не волнуйтесь, не волнуйтесь, – повторил Акулов. – Мы уже уходим. Серёга, идём.

Мирогорский поднялся, руки его повисли, словно обессилели. Смотрел он с недоверием. На скамье остался рюкзак, которого Дмитрий прежде не замечал. Акулов поднял его и слегка подтолкнул старого знакомого.

– Идём-идём, по пути всё расскажешь.

Они вышли с территории Дворца пионеров и по бульвару, разделявшему улицу Косыгина, двинули к площади Гагарина.

В шестом часу вечера в первых числах сентября было ещё светло. На крышах двух новых башен в солнечных лучах пылала золотом причудливая декоративная конструкция.

– Смотри-ка ж, достроили наконец! – с удивлением сказал Дмитрий. – Сколько помню себя, столько стройка тут была. А наверху чего накрутили! Как будто позолоченные мозги на крышу вывалили...

Мирогорский бросил угрюмый взгляд на новые башни, возвышавшиеся впереди по левую руку. Ни удивления, ни восторга он не выразил. Держался он так, будто всё вокруг было ему в диковинку, и очередные новинки скорее загоняли его в тоску, напоминая о том, что он здесь теперь человек чужой и никому не нужный.

– Ну ты чего? Рассказывай, чего ты, как? – произнёс Акулов. – Я так слышал, что какая-то драка была, кого-то убили, говорили, что ты в тюрьму загремел...

– Было дело, – ответил Мирогорский. – Вот откинулся...

– И чего? – наседал Дмитрий.

– Ничего, – настороженно ответил Мирогорский.

– Курить будешь? – Акулов достал пачку сигарет.

После нескольких затяжек Сергей словно вышел из оцепенения.

– Слышь, – сказал он. – Я ж тебя даже не помню...

– Да я ж для тебя мелюзгой был, – ответил Акулов. – Но тебя вся школа знала. Ты дзюдо занимался, приёмы показывал. Ты основным был. Крутой был, теперь так говорят. Вы с вожаком в поход нас водили...

– Куда идём-то? – спросил Мирогорский.

– Тренер сказал, ты ночлег ищешь.

– Ищу. Жить негде мне...

– Как негде? А раньше-то где жил?

Мирогорский, вспомнив про рюкзак, забрал свою ношу у Акулова, повесил на плечо.

– Я ж без матери остался. Умерла она. С батею жил. Квартира-то служебная была, батя дворником был, – поведал он твёрдым голосом, словно решившись не таиться. – Батя умер, квартира тю-тю, я на улице. Негде жить – не берут на работу. Нет работы – не дают жилья. Мыкаюсь...

– Как нет работы? – воскликнул Акулов. – Да ты просто ищешь не там. У нас Горбачёв теперь, он кстати на этой улице живёт...

– И что? – хмыкнул Мирогорский. – Зайти к нему, работу попросить...

– К нему не надо, он, похоже, сам не догоняет, что затеял, – ответил Дмитрий. – Сейчас жизнь такая: куй железо, пока Горбачёв. Давай ко мне. Перекантуешься, отдохнёшь, сейчас мы быстренько придумаем что-нибудь. Оденешься нормально.

– Своё, что ль, дашь? – Мирогорский покосился на Акулова. – На меня не налезет...

– Всё новье будет, – заверил его Акулов. – Я пока в институте учился, джинсу варил.

До сих пор с десятков курток и штанов валяются, не до них сейчас.

– Ты деловой, – протянул Мирогорский. – Один живёшь?

– С предками.

Мирогорский замер на месте, сделал несколько затяжек и сказал:

– Не пустят они меня.

– Чего не пустят! Ты чего? Ты помнишь, тогда в походе несколько родителей были? Мой отец тоже был! Как – не пустят! Только придётся пока в одной комнате со мной ночевать, матрас на полу положим...

– Ну, это-то не проблема...

- Давай, Серёга, я жрать хочу, как собака. Обедал в час...
- Обедал он! – вскрикнул Мирогорский. – Я и не завтракал, и не ужинал вчера...
- А чего тогда резину тянешь! Мать с ужином ждёт. Давай! Двинули! Двинули!

Глава 7

Многие годы Николая изводила страсть мало того что низкая, ещё и постыдная. Первые выходки ему самому представлялись хулиганством. Ещё подростком, думая о содеянном, он посмеивался, как примерный ученик, держащий фигу за спиной в разговоре с учительницей.

Но вскоре он с ужасом осознал, что не может обходиться без того, что по наивности принимал за дурачества, пусть и не вполне невинные. Совершая очередную вылазку, он давал себе слово, что это в последний раз. Проходило время, и тёмная часть его естества вновь гнала на охоту.

Поначалу он воспринял это как катастрофу. Ладно бы страсть была масштабной, эпической, скажем, как у Пушкина, у Некрасова, как про него сказал Маяковский, «он и в карты, он и в стих», ладно бы тяга к стакану, хотя пропивать мозги Николаю не хотелось – словом, было бы что такое, про что говорили бы «у великих людей великие пороки».

Но тут паскудство, о котором не пошумишь в курилке, даже другу не расскажешь. Тут такое – предашь гласности, в приличное общество не пустят, а в неприличном покалечат.

Покончить с этим можно было, лишь покончив с собой. Но у Николая были большие планы на жизнь.

Необходимость скрываться навела на мысль, что и у великих людей могли быть тайны, которые они не поверяли ни конфидентам, ни бумаге. Кто теперь знает, чем в действительности занимался человек, который часами в одиночестве бродил по лесу, а потом писал рассказы об охоте.

Николай жадно искал следы нераскрытых тайн в биографиях. Но докопался лишь до испражнявшихся в лицо фюреру, а затем стрелявшихся женщин.

Что ж, до самоубийства, по крайней мере, он никого не доводил.

С некоторых пор он и на обычных людей смотрел со специфическим любопытством, гадая, какие тайные пороки они скрывают.

Примерно тогда же – период совпал с переездом в двушку, доставшуюся от покойной бабушки – в его жизни появилась она. Наблюдая в окно за прохожими, он заметил соседку по подъезду. Девушку сопровождал молодой человек. Крепкие плечи, размеренные движения, быстрая походка – парень казался решительным, знающим, что ему нужно.

Они подошли от Вадковского переулка и скромно простились у подъезда. Девушка не пригласила кавалера в гости, даже в щёчку не чмокнула на прощание. Да и он вёл себя сдержанно.

В первый раз Николай не придавал увиденному значения. Мало ли кто и по какой причине провожает девушку до подъезда. Но в последующие дни он обнаружил, что плечистый мужчина – по виду из таких, у которых всё схвачено – регулярно доходит с соседкой до подъезда, где они прощаются, не позволяя себе абсолютно ничего, даже самых скромных прикосновений.

Внутренне он посмеялся, домысливая, что скрывалось за их отношениями. Он и прежде по утрам нередко сталкивался с ней по пути к троллейбусной остановке. Но теперь он владел тайным знанием о ней. Девушка прочно завладела его мыслями. Прежде для его страсти объект значения не имел. Теперь приобрёл ясные очертания. Соседка по подъезду стала наваждением. Сидевшее в нём чудовище увидело жертву и не могло остановиться, не насытившись.

Он мучился ночами. Засыпал, решившись подкараулить её в подъезде в ближайшее время. Но ужас перед неминуемой катастрофой отрезвлял и останавливал его.

Что ж, безумие умеет мимикрировать и ждать. Если понадобится, долго ждать. Он начал осаду.

Соперника у него не было. Молодой человек, регулярно провожавший девушку, оказался сокурсником, пропавшим из поля зрения вскоре после окончания института.

Сойтись с соседкой было дело пустячным. Однажды утром в лифте он поздоровался, вытащил из спортивной сумки журнал и предложил ей.

– Тут моя статья, – пояснил Николай. – Мне будет приятно, если вы почитаете.

– Ого! Вы писатель! С удовольствием! – обрадовалась девушка.

– Журналист, – поправил её Николай.

А дальше произошло то, чего он не предполагал в самых смелых фантазиях.

– А давайте вы мне сами почитаете. Вслух, – предложила девушка.

– Давайте, – согласился он.

– Сегодня вечером, – продолжила она. – Вы в какой квартире живёте?

– Я этажом выше, прямо над вами, – ответил он.

– Я зайду к вам после работы, – сказала она на выходе из подъезда.

– Как вас зовут? – спросил он по пути к троллейбусной остановке.

– Вероника Королёва. А вас?

– Николай. Николай Перегорша, там написано, – он показал на её сумку, в которую она убрала журнал.

Вечером они пили чай. Он вдохновенно рассказывал о тупике, в который зашло человечество, о том, что прогресс, движение – это иллюзия, обусловленная тем, что одни, прорвавшиеся вперёд, уткнувшись в стену, устают и откатываются назад, их сменяют другие, более энергичные, верящие, что впереди новые горизонты, но упираются в ту же стену, которую прежде не видели за спинами более успешных собратьев, говорил о том, что на смену обыденному человеку должен прийти новый человек, но как только таковой появляется, обыватель давит его, давит тупой, сытой массой.

– Об этом ты пишешь? – спросила она.

– Да нет, что ты! Цензура же...

Слушая его, она прилегла, потому что сидеть на диване было неудобно, а свободный стул был только один, ещё три служили подспорьем для стопок журналов и книг. Он дрожал от возбуждения, от близости объекта, от возможности в любую секунду получить желаемое. Она приняла его дрожь за вдохновение гения.

В первый вечер он сдержался. То ли смаковал предстоящее, то ли тогда уже подспудно задумал найти способ сохранить отношения. Всё произошло во второй раз. Он вышел из ванной комнаты в халате на голое тело, влетел в комнату и застыл перед ней с распахнутыми полами. Её синие глаза округлились от ужаса, светлые брови выгнулись, она взвизгнула. Он метнулся назад, выкрикнув: «Прости! Прости бога ради!» – в ванной, как всегда, в одиночестве скорчился в оргазме, на несколько мгновений провалившись в помутнение, в мусть, в которой плыли и плыли глаза, синие от страха.

А через минуту он вышел. В том же халате, но уже подпоясанный. Вероника сидела на диване, листала журнал.

– Прости бога ради, – вымолвил он. – Привык, что дома нет никого. Задумался...

Она наморщила носик, не глядя на него, махнула рукой и сказала:

– А вот здесь ещё твоя статья. Почитаешь вслух?

Удовлетворённое чудовище притихло, более этот объект его не интересовал. Зато Николай, довольный тем, как всё удачно сложилось, подумал о том, что девушка вполне пригодна для обычных человеческих отношений.

Он читал вслух, а она вновь прилегла на диване и слушала, прикрыв глаза. Потом они говорили о разном. Наконец он прилёг рядом с ней и положил ладонь на её бедро.

Она вцепилась в его руку и оттолкнула её. Он мог пересилить, но по её напряжению понял, что это всерьёз. Вероника поднялась с дивана и сказала:

– Ладно. Я пойду.

– А давай сходим завтра куда-нибудь, – предложил Николай. – В кино. А то у меня однокашник в журнале «Театр» работает. Он может и на спектакль какой-нибудь провести...

– Давай, – согласилась Вероника.

Она ушла. А Николай вдруг понял, что чересчур заикнулся на великих пороках. Выдающиеся люди чаще остаются непонятыми, неразгаданными, нежели вывернутыми напоказ. Кто знает, куда приходится опуститься, чтобы выше взлететь. В том же «Юбилейном» сказал Маяковский: «Большое понимаешь через ерунду». Теперь он не только смирился с чудовищем, но понял и то, что есть в этом что-то очень символичное, очень русское, самая суть русского бунта: нагнать страху, кровь пустить, но так и остаться бессмысленным.

С того дня свободное время они проводили вместе. Когда расставались, он целовал её напряжённые губы. Бродили по улице, он обнимал её за талию. Оставались наедине, он время от времени шёл на приступ. Начиналась молчаливая борьба. Вероника морщила носик, словно было в его попытках что-то постыдное, что должно пресекаться, пусть мужчины и думают, что не могут без этого.

Во время этой возни она не произносила ни слова. А когда он сдавался, вела себя так, будто ничего не было.

Однажды они встретили её бывшего ухажёра. Николай впервые увидел его вблизи и пытался понять, зачем тот пришёл. Тот явно поджидал Веронику, но узнав, что теперь она не одна, придумал отговорку и поспешно распрощался.

Тогда Николай решил, что сегодня же добьётся своего, чего бы это ни стоило. Если потребуется, изнасилует её. Не побежит же она в милицию. Он уверен был, не побежит.

Вероника по обыкновению прилегла на диване. Он прочитал пару абзацев из новой статьи. А затем положил бумаги на стол, лёг рядом с ней и решительно запустил руку под юбку.

Она вцепилась в его запястье, наморщила носик, напряглась. Он готовился применить силу. Но вдруг угадал другое решение. Он нарушил тишину и, глядя в синие глаза, сказал:

– Зачем ты это делаешь...

Вероника сдалась. Она повернулась на спину и скрещёнными руками закрыла глаза и лоб. Он расстегнул и снял с неё юбку, затем стянул колготки и трусики – каждый раз она послушно приподнимала попу.

Он спустил брюки, потоптался на них, чтобы высвободить ноги, туда же, на пол, отправил трусы и, отметив наспех, что ноги-то у неё красивые, красивые ноги, взгромоздился между ними и вошёл в неё с неожиданной лёгкостью.

Было ей двадцать три. Но Николай удивился, сообразив, что он не первый. Как-то, много позднее того дня, представился случай, и он деликатно спросил об этом. Она махнула рукой, наморщила носик и обронила:

– Так, было в девятом классе...

А тогда она опустила руки на его плечи и на каждое его движение отзывалась лёгким, стыдливым выдохом: «Апф... апф... апф...»

А когда всё закончилось, она вдруг сказала:

– Коля, я, наверное, люблю тебя...

Глава 8

После утренней тренировки Акулов проехал по прямой линии от метро «Ленинские горы» до станции «Дзержинская». Здесь он вышел к Кировской улице и направился в магазин «Фарфор». Он заметил кофейную пару. Стоила она прилично – пять рублей. Но зато прилагалась красивая упаковка. Дмитрий рассчитался на кассе и забрал коробочку. Теперь его путь лежал на улицу Неглинную, где в доме номер двенадцать находился Госбанк СССР.

Проход внутрь ему обеспечил Толик Белкин. Он учился в параллельной группе и по распределению попал на работу в главный банк страны. Он же провёл Дмитрия в отдел межфилиальных оборотов и по-свойски сказал начальнице: «Ирин, помоги человеку». Пожав руку Акулову, он добавил: «Заглядывай. А я пойду, дела».

Акулов думал, что увидит женщину в возрасте, а то и старушечку. Но Ирине по виду было лет двадцать. На ней была синяя кофта и длинная чёрная юбка. Белокурые волосы были попросту расчёсаны в стороны. Акулов отметил, что девушка была красивой, но, видимо, не обладала вкусом. Он вручил ей коробочку.

– Знаю, что работы у вас невпроворот, – сказал он. – Но уж очень помощь нужна.

– Что тут у вас? – спросила девушка.

– Это чтобы вам хоть чуточку слаще было.

Дмитрий открыл коробочку и выставил на стол кофейную пару.

– Это что, кукольный сервиз? – удивилась Ирина. – Я в куклы не играю, а детей пока нет.

– Это для кофе, – ответил смущённый Дмитрий.

– Для какого кофе? Тут и глотка не будет. Только лизнуть...

Акулов понял, что с подарком промахнулся. Он не нашёл с ответом, а с языка сорвалось:

– Настоящий кофе так и пьют...

Он умолк и мысленно ругал себя, опасаясь, что девушка откажет в помощи и выставит его вон.

– Ты чё, гурман, что ли? – Ирина перешла на «ты».

– Да, просто хотел приятное сделать...

– Так принёс бы нормальную чашку! Да ладно. Чего нужно-то?

Акулов достал платёжное поручение Нардюжева и листок, на который выписал реквизиты кредитового авизо, в составе которого деньги ушли из отделения банка.

– Вот платёж отправили. А к получателю никак деньги не поступают. А ему очень-очень нужно...

– Мешки видишь? – спросила Ирина.

Вдоль стен, по всему периметру большого зала, который занимал её отдел, стояли огромные мешки.

– Вижу, – ответил Акулов.

Он заметил эти мешки, когда переступил порог. Удивился, но в голову не пришло, что они имеют прямое отношение к его проблеме.

– Все они битком забиты кредитовыми авизо, – разъяснила Ирина. – Сам знаешь, сейчас у банков реквизиты массово меняются, вот и пошла путаница в расчётах. Вот сидим. Двадцать человек у меня в отделе, а всё равно не успеваем...

– Да уж, – протянул Дмитрий.

Он ещё раз обвёл взглядом помещение, сотрудников отдела – почти все они были примерно одного возраста с начальницей.

– Так что, если ваша авизовка попала на дно последнего мешка, остаётся только посочувствовать, – сказала Ирина.

– Слушай, – предложил Дмитрий. – А можно я её сам поищу, а? Буду копать, пока не найду. А вечером пойдём ужинать! Обещаю стакан кофе!

– Вообще-то посторонним не положено...

Дмитрий сложил молитвенно ладони.

– Ладно уж, – согласилась Ирина. – Только вечером сегодня я не смогу...

– Ну, в другой раз! – воскликнул Акулов.

Он и обрадовался, и огорчился одновременно. С одной стороны, он хотел к шести часам вечера вернуться на вторую тренировку. А после футбола ещё и повидаться с Хвостовым. С другой стороны, он думал о том, что, если сподвигнуть Ирину на новую причёску и к некоторым советам в части прикида, то получится сногшибательная девушка.

Квартира располагалась на третьем этаже старой пятиэтажки в Трубниковском переулке. Ещё в прихожей Александр и Инга почувствовали, что попали в другой мир, в мир, за пределами этих стен давно вышедший из употребления. Даже в воздухе ещё витали запахи с тех времён, когда дом отапливался углём и дровами.

Но затхлости не было. Просто казалось, что, проветривая квартиру, хозяева открывали окна на ту улицу, что запечатлел художник Поленов. Репродукция его картины «Московский дворик» располагалась на стене в комнате.

– Вот так выглядела наша улица сто лет назад, – сказала Нателла Евстафиевна.

Александр и Инга верили, что хозяйка квартиры помнит те времена. Наверняка, когда-то она бегала здесь босиком по траве и гадала на лепестках ромашки, как девочка с картины Поленова.

По возрасту вполне подходила, ей было за семьдесят. Она была высокой, сухощавой, держалась прямо, её плечи покрывала шаль.

Её компаньонка была на четверть века моложе. Впрочем, Александру и Инге они казались примерно одного возраста. Наталья Сергеевна была дамой округлой, весёлой, но живость характера не мешала ей держаться так, что её собеседнику всё время хотелось посторониться и почтительно помолчать.

Они обнимали друг дружку за талии. Младшая величала компаньонку Нателлой, а та называла подругу Натудей.

Александра с Ингой усадили на диван за круглый стол. Здесь же находились двое мужчин лет сорока. Александру было бы проще обращаться к обоим по имени-отчеству. Но первый, с выцветшими усами, подав руку, представился просто Лариком. Второй назвал себя Виктором Викторовичем, но Нателла Евстафиевна решительно поправила его:

– Витя! Просто Витя.

– Витя, – согласился мужчина.

Хвостов испытывал неловкость. Дамы называли его Александром Борисовичем. Хорошо ещё, что великовозрастные Ларик и Витя позволили себе вольность и обращались к нему «Саша».

В отдельном кресле сидел ещё один мужчина. Ему было лет тридцать. В разговоре он не участвовал.

Когда все познакомились, Хвостов оглянулся на мужчину в кресле. Но никто не стал его представлять, сам он держался с безучастным видом, и в дальнейшем вся компания вела себя так, будто этого субъекта и вовсе в комнате не было.

Только Нателла Евстафиевна время от времени, проходя мимо, оглаживала его плечи, а в какой-то момент накрыла его колени пледом и сунула ему в руки какую-то книгу, в которую он послушно уткнулся на весь вечер.

Хозяйка сама хлопотала на кухне, подала на подносе сразу несколько турок и разливала пахучий кофе в крошечные чашечки. Иногда она останавливалась у выхода на балкон, закурила сигарету и выдыхала дым в сторону открытой форточки.

– Некоторые остались не у дел, – рассуждала она. – Самые ушлые катаются туда-сюда за границу, привозят мешками всякую всячину, торгуют на рынке. Но это же мелко. Они потому и остались без работы, что ничего не умеют. Мы с Натулей открыли фирму. Это же так бездарно, ездить туда-сюда, как мешочникам... Да они и есть мешочники. А мы будем покупать оптом, большие партии. Ларик сказал, что вы поможете открыть счёт в банке...

– Счёт в банке откроем, конечно, – кивнул Александр.

Ларик, смотревший на него настроенно, после этих слов расслабился.

– Но счёт в банке – это важно, конечно, – продолжил Хвостов. – Но в таком деле самое сложное – это купить валюту. Народ-то и мотается в индивидуальном порядке, потому что валюту купить официально никто не может. Они покупают доллары по восемь – по десять рублей с рук. Нелегально, конечно. Едут с наличкой...

– Ещё вчера за такое расстреливали, – с тревогой напомнил Ларик.

– Восемьдесят восьмую статью² никто не отменял, – подхватил Витя.

– Теперь на это закрывают глаза, – сказала Наталья Сергеевна. – Сажать и расстреливать, уж поверьте, больше не будут...

– Куй железо, пока Горбачёв, – выдал Витя.

– Так в том-то и дело, что купить доллары сейчас очень сложно, практически невозможно, валюты не хватает, – сказал Александр.

Нателла Евстафиевна выпустила дым в сторону форточки и назидательным тоном произнесла:

– Для нас невозможного нет. Мы договоримся и купим.

– Горбачёв на своём месте, а наш друг теперь председатель Моссовета, – подхватила Наталья Сергеевна. – Нателла и я, мы профессора³. Перед нами теперь открыты все двери.

– Кстати, а как мой самовар, понравился? – неожиданно спросил Ларик.

– Да! – порадовала его Инга. – У начальницы был день рождения. Ух, она довольна была...

– Ларик, ты со своим самоваром, – проворчала Нателла Евстафиевна и повернулась к девушке.

– А где вы работаете?

– В Институте мировой экономики, – сообщила Инга.

– Это который на Профсоюзной? – уточнила Нателла Евстафиевна.

– Новое здание на Профсоюзной, а некоторые отделы остались в старом здании на ВДНХ, по соседству с гостиницей «Колос».

– А что у вас за отдел?

– Отдел анализа информации, – сказала Инга.

– Больше похоже на разведку, – вскинула брови Нателла Евстафиевна.

– Да ну, какая разведка, – улыбнулась Инга. – Целыми днями изучаем иностранные газеты, вырезаем из них заметки и раскладываем в папки по темам...

– Хо-хо, – усмехнулась Нателла Евстафиевна. – Именно этим разведчики и занимаются.

– Разведчики обращаются к нам за справками, – улыбнулась Инга.

² Статья 88 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года «Нарушение правил о валютных операциях» предусматривала уголовное наказание за операции с иностранной валютой и валютными ценностями в виде лишения свободы на срок от 3 до 15 лет, конфискации имущества, ссылки на срок до 5 лет и смертной казни.

³ 20 апреля 1990 года председателем Моссовета был избран депутат от блока «Демократическая Россия» профессор МГУ Г. Х. Попов.

При слове «разведчики» Хвостов покосился на девушку, изобразив ревнивого кавалера, и вернул разговор к главному вопросу их встречи.

– А кто будет генеральным директором, кто главным бухгалтером? – спросил он.

– Нателла будет президентом, – важным тоном сообщила Наталья Сергеевна. – А генеральным директором я. Витя будет главным бухгалтером.

– А я на подхвате, – промолвил Ларик.

– Витя хотя бы бухгалтерские курсы закончил, – сказала Нателла Евстафиевна. – А ты пошёл самоварами торговать...

– Мама, вообще-то я художник, – с обидой ответил Ларик. – Самовары я расписываю.

Ну и продавать самому приходится...

– Расписывает он, – проворчала Нателла Евстафиевна.

– Мне нужно устав посмотреть, – сказал Александр.

Нателла Евстафиевна принесла папку. Хвостов углубился в бумаги.

– Так тут должности президента не предусмотрено, – сказал он спустя минуту.

– Какая разница. Я просто сделаю визитку, – ответила Нателла Евстафиевна.

– Я к тому, что те, у кого первая и вторая подписи, должны будут с документами приехать в банк в первой половине дня.

– Мы с Витей приедем, – сказала Наталья Сергеевна.

Разошлись в десятом часу вечера. Ларик вышел на улицу проводить Александра с Ингой.

– Эти дамы, – с чувством сказал он о своей матери и её подруге. – Они горы свернут.

– А если ещё самовары понадобятся, я позвоню? – спросил Александр.

– Звоните, конечно, – воодушевился Ларик.

Александр с Ингой направились вниз по Трубниковскому переулку. Ларик скрылся в подъезде. От угла дома отделилась неприметная фигура и двинулась следом за парой. Бывший кавалер Инги, которого друзья называли Джоном, два часа маялся под окнами пятиэтажки. Он отследил девушку от самой работы, задавшись целью выяснить, где она ночует и, главное, с кем. Подруги намекнули, что она завела что-то вроде шведской семьи.

Возле кинотеатра «Октябрь» поджидал Дмитрий Акулов. Инга расцеловала его как самого близкого друга.

– Принёс? – спросил Акулов.

– Вот. – Александр вытащил папку из сумки и передал коллеге. – Нардюжев, кстати, удивился, что тебя не было. Я бы даже сказал, неприятно удивился...

– Фигня, – махнул рукой Дмитрий. – Ты сказал ему, что я просил тебе всё оставить.

– Естественно, – подтвердил Александр и добавил, кивнув на папку в руках Акулова. –

Он же оставил.

– Дима, ты когда в гости придёшь? – спросила Инга.

– Как позовёте, так и приду, – ответил Акулов.

– Приходи в любое время, – не слишком уверенно сказал Хвостов.

Но Акулов подхватил их приглашение.

– Кстати, может, прямо завтра вечером и приду. Или послезавтра. Только вы не парьтесь, не надо готовить ничего, я с собой прихвачу бутылку вина, посидим...

– Ура-ура! – обрадовалась Инга.

Они направились в сторону центра. Молина, оказавшаяся между двумя мужчинами, обняла обоих за талии. Тот, кого друзья называли Джоном, почти не таясь, плёлся сзади. На него никто внимания не обращал.

– Шурик, – сказал Акулов. – Меня не будет до конца недели. Тут дела кое-какие. Но ты не парься, больничный я себе организую...

Хвостов поморщился. Он уже перестал удивляться наглости Акулова. Тот мало того, что не считал нужным спросить разрешения на отгулы, раз уж честно признавал, что не болен, он ещё и снисходительно говорил ему, своему прямому начальнику, «не париться».

Впрочем, Хвостов и сам решил для себя смириться. Всё равно пользы от Димы на работе не было. Оставалось терпеть ради повышения по службе.

Следующий день уготовил Хвостову сюрпризы. Он обрёл новый статус – правда, повышением по службе это не было. Но могло послужить для карьеры в будущем, а то и вовсе направить её в новое русло.

В первой половине дня в отделение банка заявила Наталья Сергеевна с Витей. Александр представил их как своих хороших знакомых, и с открытием счёта для производственно-коммерческого кооператива «Скороходы» проблем не возникло.

Неожиданно для Хвостова Наталья Сергеевна потребовала немедленной аудиенции у управляющего. Говорила она тоном, подразумевавшим, что Александр не какая-то мелкая сошка и обеспечит встречу в два счёта. Возразить он не решился.

Оставив посетителей в кабинете, Хвостов отправился в приёмную.

– Можно от тебя позвонить? – попросил он Жанну. – У меня там клиенты, при них неудобно.

Секретарша передвинула телефонный аппарат на край стола. Александр позвонил на работу Молиной и в двух словах изложил ей проблему.

– Ну и отведи её к управляющему, – сказала Инга.

– Да он клиентов-то практически не принимает, – объяснил Хвостов. – А уж тем более кооператоров.

– Да ну, фигня какая-то, – ответила Инга. – Скажи ему, что она близкая подруга Попова.

– А ведь точно! – воскликнул Хвостов.

– Ну, мужики! Всему учить нужно, – сказала Инга и положила трубку.

– Вешняков один? – спросил Хвостов Жанну.

– Один, – подтвердила секретарша.

Хвостов, не предупредив Жанну, постучал в дверь кабинета и осторожно заглянул внутрь. Вешняков посмотрел на него глазами, увеличенными линзами очков.

– Андрей Юрьевич, извините, но тут такое дело, – промолвил Александр, протиснувшись внутрь. – Тут клиентка одна, она в большой дружбе с председателем Моссовета, хочет с вами переговорить...

– Ну, веди, – согласился Вешняков.

Хвостов, с облегчением выдохнув, вернулся, но застал кабинет пустым. Он прошёл по отделению банка, но не нашёл ни Натальи Сергеевны, ни её главного бухгалтера Вити.

Когда он второй раз проходил мимо выходных дверей, его окликнул милиционер:

– Саня, тут такая тётка важная была. Просила передать тебе, что ей срочно понадобилось куда-то...

– Фирма «Сумасброды», блин, – проворчал Хвостов.

Он вернулся к управляющему и сказал, что Наталья Сергеевна срочно уехала в Моссовет.

– Ну, ладно, – ответил Вешняков и напомнил. – Не забудь, после обеда партсобрание.

В партийной организации Кировского отделения Промстройбанка СССР состояли шестеро: управляющий и две его заместительницы, завхоз дядя Паша, начальник отдела инкассации Владимир Лазаренко и Хвостов.

Александр в армии стал кандидатом в члены КПСС. «Это главная польза от срочной службы», – напутствовал его отец. После демобилизации в институте по истечении кандидатского срока он вступил в Коммунистическую партию Советского Союза.

После обеда шесть коммунистов собрались в кабинете управляющего. Андрей Юрьевич оставался на своём месте. А Лазаренко садился с торца столешницы-приставки управляющего. На время проведения партсобраний Владимир становился как бы главным в этом кабинете.

На повестке дня как правило были вопросы, спущенные сверху, из районного комитета партии: то о необходимости укреплять дисциплину в партийных рядах, то об осуждении американских агрессоров, то о предстоящих субботниках. Партсобрания длились несколько минут.

Владимир Лазаренко зачитывал тему заседания, спущенную из райкома, и все соглашались с тем, что дисциплина нужна, что американцы обнаглели, а на все субботники от партячейки отделения банка отправляли одного Хвостова. В этот раз вопрос в повестке дня стоял необычный: начальница кредитно-планового отдела Матвеева Юлия Вячеславовна обратилась с заявлением о вступлении кандидатом в члены КПСС. Требовались две рекомендации. Одну ей дал Хвостов, про себя отметив, что растит себе конкурента в части продвижения по службе. Вторую рекомендацию дал управляющий. Партийное собрание должно было стать формальностью.

Однако на этот раз произошло нечто невообразимое.

– Товарищи, прежде чем мы перейдём к вопросу, заявленному в повестке дня, – чётким голосом произнёс Лазаренко. – Я выступлю с заявлением.

Он посмотрел на присутствующих и немного задержал взгляд на Александре. Пять человек ждали, полагая, что он передаст какое-то срочное сообщение из райкома. Хвостов, который вёл протоколы собраний, готовился записать, что все они единогласно поддержали или осудили неожиданную новость.

То, что сказал Лазаренко, повергло присутствующих в шок.

– Товарищи, я хочу заявить, что Коммунистическая партия Советского Союза полностью дискредитировала себя и по сути стала сборищем предателей советского народа и примкнувших к этому сборищу попутчиков...

Андрей Юрьевич перевалился в кресле с одной половины ягодицы на другую, ещё не уразумев, действительно ли он услышал то, что услышал, или немыслимое померещилось.

В таком же состоянии пребывали и все остальные. Лазаренко продолжил:

– Как человек порядочный и честный считаю своим долгом сложить с себя полномочия секретаря парторганизации, сдать партбилет и объявить о своём выходе из рядов членов КПСС. Вот здесь партийная касса и полный кассовый отчёт. Партбилет кладу на стол.

Он подвинул на середину стола целлофановый пакет с деньгами, журнал учёта, выложил красную книжицу, встал и, ни на кого не глядя, вышел из кабинета.

Первым пришёл в себя дядя Паша.

– Предатель! Изменник! Таких расстреливать нужно! – закричал он.

Дядя Паша вскочил и рванул вдогонку за Лазаренко. Александр бросился за ним и поймал старого партийца на выходе из кабинета.

– Предатель! Иуда! – кричал тот, отбиваясь от Хвостова.

Управляющий вышел из ступора.

– Павел Семёнович, Павел Семёнович, успокойтесь, пожалуйста. Сядьте на место.

Голос Андрея Юрьевича заглушало кудахтанье обеих бабулек.

Хвостов отвёл бушевавшего дядю Пашу к столу и усадил на стул. Управляющий постучал по чайному блюдцу и, добившись тишины, сказал:

– Товарищи, ну что тут поделаешь...

– Расстрелять гада! – выкрикнул дядя Паша.

– Это мы отдельно разберёмся, – ответил Андрей Юрьевич.

По его растерянному лицу было видно, что он понятия не имел, как разбираться с Лазаренко. Тот только формально являлся сотрудником отделения. По заведённым правилам отдел

инкассации не подчинялся управляющему, а контролировался управлением инкассации головной конторы.

– Иуда, – чуть слышно промолвил дядя Паша.

– Товарищи, в сложившейся ситуации единственным выходом я считаю назначить... То есть, простите, избрать секретарём парторганизации отделения Александра Борисовича Хвостова...

– Правильно, правильно, он молодой, – прокудахтали бабульки.

Дядя Паша промолчал.

– Возражений нет? – спросил Андрей Юрьевич.

Против никого не было.

– Так что, Александр Борисович, теперь секретарь парторганизации вы, – заключил Вешняков. – Вы уж теперь сами и протоколы ведите, и всё это дело берите на себя.

– Спасибо, товарищи, – ответил Хвостов, ещё не решивший, радоваться или огорчаться. На всякий случай он добавил. – Обещаю, что не подведу...

– Тогда на этом всё, – объявил Вешняков.

Бабульки и дядя Паша, шумно двигая стулья, поднялись из-за стола.

– Подождите-подождите! – воскликнул Хвостов. – Там же Юлия Вячеславовна в приёмной ждёт.

– А что ж она ждёт? – буркнул Вешняков, но вдруг оживился. – Вот видите! От одного отщепенца от партии не убыло. Один сдал партбилет, а другая получает.

Реакция Акулова стала ещё большей неожиданностью для Александра, чем само избрание его секретарём партиячейки.

Дмитрий позвонил под конец рабочего дня и сказал, что собирается вечером в гости. Александр предупредил Ингу, и они вдвоём ждали Акулова. Хвостов рассказал о случившемся на партсобрании.

– Чудной человек, – отозвалась она о Лазаренко. – Понятно же, что партия ради карьеры нужна.

Тем временем Дмитрий Акулов на такси подъехал к их дому. Он протянул шофёру десятку и сказал:

– Шеф, придётся ждать.

– Да мне-то что? Деньги твои, – ответил тот.

Акулов повернулся к сидевшему рядом Сергею.

– Придётся обождать. Извини, пригласить не могу. Постараюсь побыстрей.

– Да ты делай свои дела. Базара нет, – отозвался Мирогорский.

Дмитрий вошёл в подъезд, проскочил между двумя парнями, курившими на первом этаже, и поднялся к квартире. Он собирался звонить, как вдруг его окликнули:

– Э-э, слышь...

Он обернулся. Это были курильщики. Они поднялись за ним и стояли на площадке между этажами. Один из них двинулся к Дмитрию. Второй пошёл следом, держась на пару ступеней ниже.

– Какие-то вопросы? – промолвил Акулов.

– Инга Молина здесь? – спросил незнакомец.

– Допустим, – ответил Дмитрий.

– Пусть выйдет, – потребовал незнакомец.

– А ты кто?

– Джон.

– Джо-он, – протянул Акулов, окинув оценивающим взглядом парня. – Джон, а ты уверен, что она захочет говорить с тобой?

– Пусть выйдет, – упрямо повторил незнакомец и вдруг, погано ухмыльнувшись, спросил: – А вы что, правда вдвоём её трахаете?

Акулов врезал ему хуком справа в челюсть. Тот рухнул, едва не сбив с ног товарища. Последний взглянул снизу вверх на Дмитрия и счёл за лучшее подхватить под микитки друга и отправиться прочь подобру-поздорову.

Дмитрий позвонил в дверь, обменялся рукопожатием с Александром, Инга едва не задушила его, а он восклицал:

– Народ, я тут готового цыплёнка табака из кулинарии принёс и шампанского, шампанского...

– А ты знаешь, я теперь стал секретарём парторганизации, – осторожно начал Александр.

– Ого! Интересно, – откликнулся Акулов.

Хвостов стал в красках расписывать выходку Лазаренко. Но Акулов перебил его:

– Слушай, да хрен с ним, с этим инкассатором! Ты вот что! Ты же теперь в райком поедешь, будешь там общаться...

– Ну да, – ответил Хвостов.

– Вот это класс! Класс! – восхитился Акулов и продолжил с энтузиазмом. – Они же там компьютерами всю торговлю! И потом, у них же куча помещений, в аренду можно взять что-нибудь! Слушай, ты там познакомься со всеми! А лучше, знаешь что, возьми меня с собой! Скажи, что я твой помощник, ладно?

Уже перед самым уходом Акулов обратился к коллеге за тем, ради чего и пришёл.

– Слушай, Шурик, тут вот платёжные поручения от Нардюжева. Всё заполнено, как надо. У меня к тебе просьба, ты их завтра в операционный отдел передай. Только проследи, чтобы платёж прошёл, чтобы девки там не придрались ни к чему. А я позвоню тебе часов в одиннадцать, чтоб всё чики-поки было.

– Слушай, а ты чего на работу-то не ходишь? – спросил Хвостов.

– Да у меня тренировки сейчас полным ходом, – ответил Акулов.

– Какие ещё тренировки? – Александр даже голос слегка повысил.

– Футбол. Я же в сборной Советского Союза играю, – сказал Акулов.

– В сборной? – изумился Александр.

– Ну да. А ты что, не знал? – Акулов смотрел на него, как на пещерного троглодита.

– Нет, – смутился Хвостов. – Я футболом не увлекаюсь...

– Это я понял, – с сожалением промолвил Дмитрий.

– Фантастический чувак! – выдала Инга, когда за Акуловым закрылась дверь.

Глава 9

Когда Инга вошла в отдел, все разговоры разом оборвались.

– Девчонки, привет! – бросила она.

Инга положила сумочку на нижнюю полку стеллажа, примыкавшего к письменному столу, вытащила шариковую ручку, смахнула пылинку со столешницы, подняла глаза и только тогда поняла, что в комнате необычно тихо и в этой тишине витает что-то враждебное.

– Что-то случилось? – спросила она. – Вы чего все какие-то...

– Мы думали, ты нам расскажешь, – сказала Надежда.

– Я? – удивилась Инга. – О чём? Что стряслось-то?

– Ты что, типа не знаешь ничего? – с издёвкой произнесла Светлана Жукова.

– Не знаю, – искренне ответила Молина. – Да хватит темнить! Говорите, что случилось!

– Ты в курсе, что Женька в больнице? – спросила Жукова.

– Не в курсе, – ответила Инга. – А с какого перепугу я должна быть в курсе? Я видела его пару раз в жизни, не считая того раза, когда мы с тобой познакомились с ним на дискотеке...

– Ты что, правда, ничего не знаешь? – с возмущением спросила Светлана.

– Свет, короче, либо рассказывай, что с этим Женей, либо проехали! По правде сказать, мне это вообще неинтересно...

– Ей неинтересно! – возмутилась Света. – А ты в курсе, что два твоих ухаля избили его до полусмерти...

Инга посмотрела на Жукову, и та словно съёжилась от этого взгляда. Молина поняла, что её откровения с подругой не только стали предметом пересудов, но и обросли неприличными подробностями.

– Какие ещё два ухаля? Ты чего несёшь? Я встречаюсь с одним человеком...

– Ну не знаю, с кем ты там встречаешься, – пробормотала Жукова. – Но они вдвоём изувечили Женьку, они избили его до полусмерти...

– И где он теперь? – спросила Инга.

– В Боткинской, – сказала Светлана.

Молина взяла сумочку и, ни на кого не глядя, направилась к выходу. Уже на пороге она сказала начальнице:

– Ксения Николаевна, я отлучусь на полдня.

Инга дошла до ближайшей телефонной будки и набрала рабочий номер Хвостова.

– Саш, это я...

– Привет! Что-то случилось? – он почувствовал неладное.

– Саш, скажи. Только честно, вы с Димой Женьку били?

Вопрос мог бы удивить Александра, если бы не напряжение в голосе девушки. Хвостов опустил на стол документы, касавшиеся очередной стройки, и спросил:

– Инга, ты о чём? Какой Женька?

– Парень, которой был со мной в тот вечер, когда мы познакомились, – терпеливо объяснила девушка.

– Да ты что? Да я его сейчас увижу – не узнаю даже. И с какой стати нам его бить? Он что, всё ещё таскается за тобой?

– Вы точно его не били? – с недоверием повторила Инга. – Спроси у Димы...

– Как я спрошу? Димы нет, он же в футбол играет. Да о чём тут спрашивать? Я его знать не знаю, видел мельком тогда. Инга, это ерунда какая-то!

– Ладно, – девушка опустила трубку.

Через час Инга стояла перед входом на территорию Городской клинической больницы имени С. П. Боткина. В приёмном отделении она узнала, что Евгений Юрьевич Вдовин поступил накануне вечером с сотрясением мозга, сломанной челюстью и сломанными рёбрами.

Инга прошла в отделение оториноларингологии и челюстно-лицевой хирургии, но здесь возникла заминка.

– А вы кем ему будете? – спросила с подозрением дородная женщина в белом халате. – Мы только близких родственников пускаем. Да сейчас и не время для посетителей. После обеда...

– Прошу вас, пустите, – взмолилась Инга и добавила: – Я его невеста...

– Ой, ну пойдём со мной, только быстро, – сжалилась женщина в белом халате.

Они поднялись на второй этаж и подошли к дверям с номером восемнадцать.

В палате находилось шесть пациентов. Пятерым из них при неких обстоятельствах кто-то сломал челюсть. И только один получил перелом без постороннего вмешательства: просто попробовал подтянуться не на турнике, а на футбольных воротах, оказавшихся незакреплёнными.

Из-за наложенных шин в зависимости от травмы у одних губы оказались вытянуты вперёд, а у других растянуты в стороны. Оттого в разговоре одни гундосили с обиженным видом, а у других с лиц не сходили идиотские улыбки, а голоса звучали дурашливо.

Женя, полулёжа в подушках, разговаривал с соседом, не замечая вошедших. Вытянув вперёд губы, он бухтел обиженным голосом:

– Шука эта Инга, тварь, какую поискать ещё надо...

– Ничего, – гнусавым голосом отвечал сосед, вынужденный улыбаться. – Залечишься, припомнишь ей...

– Да я эту шуку! Я башку ей отшибу! По кругу пуцу шуку...

– Женя, – позвала Инга.

Он медленно – сказали сломанные рёбра – повернул голову и уставился на неё с вытянутыми, как у гуся, губами и выпученными глазами.

– Короче, ты теперь через трубочку ешь, – сказала Инга. – Привыкай. Залечишься – я тебе собственноручно ещё раз челюсть сломаю.

Она развернулась, вышла из палаты и зашагала прочь. Женщина в белом халате выскочила следом в коридор и закричала:

– Нахалка! Хулиганка!

– Спасибо-спасибо! Спасибо на добром слове! – откликнулась Инга.

На улице она нашла телефонную будку и позвонила Александру. А через час она вновь была на работе.

– Ты чего, куда моталась? – спросила Жукова.

– В больницу, – равнодушным голосом ответила Молина.

– Ну чего, Джона видела? – оживилась подруга.

– Видела, – кивнула Инга. – Сказала ему, если выйдет, ещё раз челюсть сломаем.

– Ты чего, офигела? – протянула Жукова.

– Свет, если так паришься по поводу него, так поезжай, навести, посиди с ним, покорми через трубочку, – сказала Инга.

Она достала зеркальце и начала поправлять тени над глазами. Жукова смотрела на неё несколько мгновений, затем, повернувшись ко всем остальным, с сознанием собственной правоты громко сказала:

– Молина, ты вообще охренела!

Дмитрий Акулов позвонил на работу перед обеденным перерывом.

– Шурик, привет! – сказал он, когда Хвостов снял трубку.

Не успел Акулов продолжить, как Александр вывалил на него новости о незадачливом ухажёре Инги.

– Димон, тут какой-то шухер у Инги, – сказал Хвостов. – Её бывшего чувака избил кто-то. Он говорит, что мы с тобой...

– Шурик, на фиг его! Это какая-то его история. Пусть сам и разбирается, кто его избил, – ответил Акулов.

– Да Инга какая-то встревоженная. Она прям всерьёз решила, что это мы с тобой...

– Старик, ты его бил?

– Нет.

– А я вообще не знаю, о ком речь. Наверное, гандон какой-то. Может, пол-Москвы хочет его избить, и он сам не знает, от кого схлопотал. Да на фиг его! Времени нет. Ты скажи, платёжное поручение Нардюжева прошло? Всё в порядке?

– Конечно, в порядке, – ответил Хвостов.

– Точно? Ты проверь ещё раз, чтоб платёжку не завернули, – попросил Дмитрий.

Хвостов стиснул зубы от злости. Дмитрий давал ему указания так, как должен был он давать Дмитрию и давал, только Дмитрий никогда их не исполнял.

– Ладно, проверю, – сказал он через силу.

– Отлично, старик! Да! Слушай! Очень тебя прошу, не ходи без меня в райком партии. Давай на следующей неделе вместе пойдём. Лады? Ну всё, мне бежать надо.

Пошли короткие гудки. Хвостов опустил трубку и с раздражением бросил:

– Футболист, блин...

В ту же секунду телефон зазвонил вновь.

– Слушаю, – начальственным тоном ответил Александр.

– Саш, – услышал он голос Инги. – Скажи, только честно, всё-таки не вы ли избili...

– Да не мы, Инга! Что на тебя нашло?

– Ну так... Жалко, что не вы...

Из трубки опять послышались короткие гудки. Хвостов плюхнулся на стул и некоторое время смотрел на телефонный аппарат так, словно ожидал от него какого-нибудь фокуса.

В эту минуту Акулов набрал другой номер. Он звонил опять на работу, но теперь в приёмную управляющего.

– Жаннетта, привет! – весело воскликнул он, когда секретарша ответила. – Есть отличное предложение.

– Да-а? – с сомнением протянула девушка.

– Даже не думай занимать субботу, – сказал Дмитрий. – Кстати, я буду с друзьями. Там народ такой! Будешь приятно удивлена. Я к тому, что если с тобой будет пара-тройка подружек, лёгких на погружение...

– Погружение? – переспросила Жанна.

– Да, желательно, чтобы умели нырять, всплывать. Там будет бассейн. Мы же в баню пойдём...

– С какого это я пойду с тобой в баню? – прошипела Жанна.

– Нет, давай ты пойдёшь вилять задницей в Третьяковскую галерею, а мы с друзьями замаскируемся под любителей Левитана, – со смехом ответил Дмитрий.

Жанна оглянулась на дверь в кабинет управляющего и приглушённым голосом спросила:

– Акулов, ты где вообще? Чего тебя на работе нет?

– Жанна, я очень болен.

– Чем ты болен? – фыркнула девушка.

– Я болею за футбол, – сказал он. – Ладно, диктуй телефон.

– Какой тебе телефон? – снова прошипел Жанна.

– Домашний, Жанночка, домашний! Я тебе в пятницу вечером позвоню, скажу, куда подъехать...

– Акулов! Ты невыносим!

– Сказала сестра, бросив раненого бойца, так он и стал героем Советского Союза, – Дмитрий захохотал.

Жанна долю секунды смотрела на дверь в кабинет, будто ждала, что выскочит начальник и удержит её от аморального поступка, затем решительно прижала телефонную трубку к уху и сказала:

– Записывай.

Владимир Борисович с подручным, крепким парнем в рыжей куртке с ссадиной на лице, вошли в кафе-стекляшку, расположенное на территории Минаевского рынка.

Увидев их, заведующий, мужчина с лицом, рыхлым, как разваренная картофелина, подошёл к сомнительного вида компании и попросил освободить столик. Трое мужчин безропотно покинули заведение.

Заведующий быстро вытер столешницу. Владимир Борисович сел за стол, показал на стул парню в рыжей куртке, и тот сел рядом. Заведующий выставил три рюмки и спросил:

– Водки?

– Плесни родимой, – сказал Владимир Борисович.

На столе появилась бутылка «Столичной». Заведующий окликнул своего помощника:

– Закуску организуй!

Затем он разлил водку по рюмкам. Владимир Борисович и заведующий выпили. Парень в рыжей куртке только пригубил.

– Слушай, Кировский же ваш район? – спросил Владимир Борисович.

– Ну, конечно...

– Есть кто-нибудь с выходом на райком-исполком?

– А как же! Конечно, есть, – с готовностью ответил заведующий кафе.

– Хорошо, – кивнул Владимир Борисович. – Давай-ка ещё по одной.

На столе появились солёные огурцы, помидоры, нарезка молочной колбасы и чёрный хлеб, бородинский.

– Ты только скажи, что нужно? – промолвил заведующий кафе.

Он в третий раз наполнил рюмки.

– Есть одна идея, – сказал Владимир Борисович. – Человек один есть. Ранний, но приткый. Перспективный. Надо так сделать, чтобы он должен нам был. Чтоб по жизни должен был.

Владимир Борисович сделал такие движения руками, будто вертел над столом невидимым мячом. Парень в рыжей куртке беззвучно осклабился в недоброй улыбке. Заведующий кафе-стекляшкой ждал, с уважением глядя на Владимира Борисовича. Тот, уставившись не в глаза, а в грудь собеседника, добавил:

– Есть одна идея, вроде неплохая. А через кого на райком выйти можно? Так, чтоб на доверии сыграть.

– Вариантов масса, – ответил заведующий. – Можно директора рынка попросить. Или его зама. Если что, так я директора «Станколита» знаю. Уж он-то со всеми на короткой ноге. Или тут кооперативщики есть, козинаками торгуют. У них там всё схвачено. Они кооперативы в три секунды штампуют. По виду вообще братва натуральная, а не кооперативщики...

– Во-от давай этих «казинаков», – одобрил Владимир Борисович. – Держи на примете. Когда надо будет, я скажу, что делать.

Глава 10

Наступила суббота. В три часа дня Дмитрий Акулов подошёл к пятиэтажному зданию школы номер девятнадцать на улице Намёткина. У входа стояли Нардюжев и ещё двое.

Увидав Дмитрия, Олег Иванович затушил сигарету и поприветствовал вновь прибывшего:

– Здорово, Димон! Пошли переоденемся. Народ уже разминается на поле.

Они вошли в здание школы. Нардюжев повёл их к раздевалке спортивного зала. По пути он представил друзьям Акулова:

– Знакомьтесь. Дима. Мой банкир.

Когда они в спортивных трусах и футболках вышли на поле, Акулов увидел пожилого мужчину в спортивном костюме. Тот стоял к ним спиной.

– Знаешь, кто с нами! Это легенда советского футбола. Сейчас познакомлю, – сказал Нардюжев и окликнул мужчину. – Пан Спортсмен!

Тот обернулся, и Акулов воскликнул:

– Игорь Александрович!

– О-о! Кого я вижу! – Тренер заключил Дмитрия в объятия. – Вот так встреча!

– Вы знакомы? – удивился Нардюжев.

– Ещё бы! – Игорь Александрович воздел руки к небу. – Диму, бывало, с поля не выгонишь.

– Наш человек, – с чувством произнёс Нардюжев.

– Но ты куда-то пропал на пару лет, – сказал Игорь Александрович.

– Да, закрутился. Команды хорошей не было. – Акулов с благодарностью смотрел на Игоря Александровича.

– Форму-то не растерял? – Тренер подмигнул ему.

– Давненько не брал я в руки шашек, – сказал Акулов.

– Знаем мы вас, как вы плохо играете! – отозвался Нардюжев.

Опасения Акулова, что он окажется никудышным футболистом, оказались напрасными. Игроки собрались разные: одни были в превосходной спортивной форме, другие с пивными животами. За спортивными рекордами не гнались ни те, ни другие.

С перекурами и разговорами игра длилась около двух часов. Затем мужики распрощались и разошлись по своим делам. Остались шесть человек, которых Нардюжев пригласил в Тетеринские бани. В узкий круг вошёл и Дима Акулов.

Распределились по двум машинам. Нардюжев сам сел за руль своего бежевого «Вольво-740». В его автомобиль сели ещё двое.

Кучерявый мужик с мясистыми щеками, которого Олег Иванович называл паном Регулировщиком, а все остальные – Александром Васильевичем, хлопнул Диму по плечу и сказал:

– Садись ко мне.

Акулов оказался на заднем сиденье синего седана «Вольво-240». На огромной скорости они помчались по Профсоюзной улице.

На площади Гагарина наперерез им кинулся постовой. Майор-гаишник махал палкой и, надрывая свирепые багровые щёки, дул в свисток.

Сидевший за рулём кучерявый мужик показал гаишнику удостоверение. Майор из свирепого борова превратился в улыбчивого добряка, козырнул и сказал:

– А вы, Александр Васильевич, могли бы и побыстрей ехать.

Автомобиль рванул вперёд. Кучерявый убрал удостоверение и добродушно сказал:

– Шутник! Люблю таких.

Инга с Александром почти весь день провели в постели. Делалось жарко, и они сбрасывали одеяло на пол. В минуты умиротворения становилось прохладно – всё же отопление ещё не включили. Тогда они вновь натягивали на себя одеяло. А Мурлыка охотилась за пятками, случись им выглянуть наружу.

Ближе к вечеру они всё же выбрались из дома и направились к троллейбусной остановке. Накануне Хвостов купил билеты в кинотеатр «Россия» на премьеру фильма «Такси-блюз».

По пути Инга заглянула в аптеку. Хвостов воспользовался случаем перекурить и ждал её на улице. Мимо проходила компания: трое короткостриженных мужчин среднего возраста, с ними молодой человек в джинсовой двойке.

– Ни хрена ты помочь не хочешь, – отчитывали его.

– Да что я могу? – жалобно ответил тот.

– Вспоминай-вспоминай!

– Да я помню, что мы приехали на Академика Комарова. Помню, пятиэтажка, крайний подъезд...

– Твою ж дивизию! Ты видишь, сколько здесь пятиэтажек!

На Хвостова они взглянули с подозрением и с надеждой одновременно. Один из мужиков, крепкий, стриженный почти наголо, хотел что-то спросить, но, видимо, решив, что сам толком не знает, о чём спрашивать, только вздохнул. Вся компания двинулась дальше.

– Сергей Викторович, – донеслось до Хвостова. – Да в понедельник мы деваху эту на работе застанем, раз уж дома она не появляется...

– В понедельник я должен о результатах доложить, – возразил стриженный наголо.

Нардюжев лично пропарил берёзовыми веничками каждого из своих гостей. В какой-то момент, не выдержав жара, Акулов выскочил из парилки и с разбегу плюхнулся в бассейн.

– Хорошо? – крикнул ему плескавшийся тут же кучерявый Александр Васильевич.

– Благодать, – отозвался Дмитрий.

Приоткрылась дверь, и появились две худенькие девчушки.

– А вот и наши массажистки! – объявил Нардюжев.

Он как раз вышел из парной и тоже прыгнул в бассейн.

– О-о, мне нужно расслабиться! – заявил Александр Васильевич.

Он выбрался из бассейна и схватил в охапку одну из девчушек. Простыня с неё слетела на пол. Он положил девушку на плечо и похлопал по голой попе. Широкоплечий Александр Васильевич, почти весь покрытый рыжими кучеряшками, казался неандертальцем, захватившим добычу.

– Ой, я даже поздороваться не успела! – с хохотом крикнула девчушка.

– Вот сейчас и поздороваешься, – заверил её Александр Васильевич.

Ещё один приятель увёл вторую девчушку.

– Сейчас они, а потом не теряйся. Девчонки хорошие, – сказал Нардюжев.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Дмитрий.

– Чего ты? – Нардюжев выгнул правую бровь. – Давай, не менжуйся...

– Да сейчас ещё девушки подъедут, – объяснил Акулов.

– Какие? – удивился Олег.

– Я пригласил. Тебе понравятся, – пообещал Дмитрий.

– Подкрепиться нужно, – Нардюжев кивнул на стол.

Двое его друзей уже налегали на шашлык и зелень.

На столе стояло несколько бутылок без этикеток с жидкостью цвета дубовой коры.

– Туговая водка, – сказал Нардюжев. – Сами делаем.

– А самогонование по закону карается, – назидательно произнёс один из друзей Нардюжева.

– А кто у нас за законом следит, того закон не касается, – перебил его второй.

Дмитрий наспех проглотил несколько кусков шашлыка. Затем они выпили. Появились Александр Васильевич и четвёртый товарищ. Двое, что сидели за столом, отправились к освобождённым девицам.

Акулов размышлял, стоит ли заводить разговор с Нардюжеевым о делах? Пока он не понимал, насколько Олег расположен обсуждать что-либо серьёзное в такой обстановке. Ещё большее сомнение заключалось в вопросе: а стоит ли вообще рассматривать Нардюжева как стратегического партнёра? Знакомы-то были совсем ничего. Но Олег вызывал симпатию. В его обществе Дмитрий чувствовал себя комфортно.

Но хороших людей много, а поищи-ка таких, со связями, как у Нардюжева.

Но всё решилось само собой, по инициативе Олега.

В какой-то момент они остались за столом вдвоём, и Нардюжев заговорил о делах:

– Димон, а ты куда пропал-то? На работе тебя неделю не было...

Акулов поднял удивлённые глаза на Олега.

– Как – куда? Я же твоим платежом занимался. Я все эти дни в Госбанке лично в их корреспонденции копался, пока авизовку нашёл. С девчонкой-начальницей подружились. Она даже доверила мне самому авизо в Калининград отвезти.

– Куда? – удивился Нардюжев.

– Твой партнёр держит счёт в Мытищинском отделении «Уникомбанка», – стал разъяснять Акулов. – Обслуживается это отделение в расчётно-кассовом центре Госбанка в Калининграде, в подмосковном, конечно. Вот туда я и прокатился, чтобы деньги ему зачислили...

– А-а, – протянул Нардюжев и, покачав головой, добавил: – Фига себе...

– У многих банков сейчас реквизиты меняются, вот и путаница, платежки неделями ходят, – промолвил Хвостов.

– Спасибо. Выручил! Правда, выручил, – с чувством произнёс Нардюжев. – Слушай, а вообще ты-то сам что думаешь? Век же не будешь в банке сидеть. Вообще не врубаюсь, что тебя там держит...

– Распределение, – ответил Акулов. – Должен отработать по окончании института два года. Сейчас как раз этот срок истекает...

– Вот-вот, – Нардюжев хрумкнул огурчиком. – А дальше-то что...

– А дальше, Олег, – сказал Дмитрий. – Мы с тобой сделаем собственный банк...

– Ого! – Нардюжев вскинул удивлённый взгляд. – Ну-ну, продолжай. Не знаю только, на фига мне банк...

– План такой, – продолжил Акулов. – Делаем банк. Я беру на себя всю организационную часть. А ты подтягиваешь клиентов с деньгами. Олег, я же вижу, какие заказы ты выполняешь, откуда деньги тебе поступают. У тебя охрененные связи на самом высоком уровне. Если эти учреждения откроют счета в нашем банке и будут хоть часть денег держать в нём, у нас получится самый крупный банк в Советском Союзе...

– Ну-у, допустим. Но чтобы сделать банк, нужны деньги. У тебя есть деньги на банк? Уставняк, если не ошибаюсь, должен быть пять миллионов...

– Это не проблема, – ответил Акулов.

– У тебя есть такие деньги? – Нардюжев смерил собеседника сомнительным взглядом.

– Я найду тех, кто даст эти деньги, – сказал Дмитрий. – Наши клиенты воем воеют от этого банка. Этот управляющий – пустое место, замы его – две маразматички. Я соберу пяток клиентов, они скинутся по пятьсот тысяч, по миллиону, вот и соберём на уставной капитал...

– Но тогда это будет их банк, – возразил Нардюжев. – Их, а не мой. И не твой.

– Это будет наш банк, – сказал Дмитрий.

Нардюжев повёл плечами, осушил в два глотка стакан с водой и сказал:

– Не понимаю.

– Олег, – сказал Дмитрий. – Ты сперва ответь: ты в деле или нет? Условия такие. Работаем в долях пятьдесят на пятьдесят. Ты приводишь клиентов, бюджетные счета, связи. Естественно, я тоже, что смогу, принесу. Но самое главное – я обеспечу весь бизнес. Сделаю банк, соберу уставняк, лицензии – всё это сделаю. Мы с тобой заработаем по миллиарду долларов...

– Сколько? – Нардюжев с изумлением посмотрел в глаза Акулову.

– Ну, по два миллиарда, – пожав плечами, промолвил тот. – Это уже дело вкуса. Размеры уже не будут иметь значения...

Нардюжев не сводил взгляда с Акулова, пытаюсь понять, шутит ли тот или в действительности верит в то, что говорит.

– Олег, от тебя на первых порах вообще ничего не требуется. Просто сказать да или нет. Если да, то я начну. Когда ты увидишь готовый банк...

– А если я скажу нет? – спросил Нардюжев.

– Тогда по миллиарду долларов я заработаю ещё с кем-нибудь, – ответил Акулов.

– Я скажу... – Тут Нардюжев выдержал паузу, а затем протянул руку и вымолвил: – Да.

Акулов пожал руку, подался вперёд и заговорил:

– Сделаем так. Я сагитирую кое-каких клиентов. Они скинутся на уставной капитал банка. Понадобится-то не так много. Сперва нужно будет оплатить пятьдесят процентов уставного фонда, в течение года ещё пятьдесят. Два с половиной миллиона для начала наковыряем...

– Разумно, – согласился Нардюжев.

– На первых порах банк юридически будет их. Но через некоторое время мы объявим, что для развития нужно увеличить уставной капитал, ну, скажем, до двадцати пяти миллионов рублей.

Нардюжев стал обглаживать куриную ножку. Когда Акулов сказал про двадцать пять миллионов, он посчитал, что весь этот план всё же маниловщина, а потому, дослушав собеседника, он сможет с чистой совестью забрать назад своё да и ответить нет. Курицу он жевал, чтобы скрыть эмоции.

– Когда мы скажем, что нужно увеличивать уставняк, это, конечно же, никому не понравится. Давать дополнительные деньги они откажутся. Тогда мы убедим их принять нового акционера, который вложит двадцать миллионов рублей. Таким образом, их совокупная доля станет только двадцать процентов. Новая фирма будет владеть банком на восемьдесят процентов. А этой фирмой будем владеть мы с тобой...

– А мы-то с тобой где возьмём двадцать миллионов? – спросил Нардюжев, проглотив кусок курицы.

Расхохотавшись, Дмитрий хлопнул Нардюжева по плечу.

– Олег, когда у нас будет свой банк, мы будем зарабатывать по миллиону каждый день.

Заметив недоверие в глазах Нардюжева, Акулов продолжил:

– Олег, ты пойми, сидит Вешняков в кресле управляющего, две его бабки – они просто не понимают, чем они владеют! Но мы-то с тобой не идиоты. Заметь, по миллиону в день мы будем зарабатывать – это даже если ты не притащишь бюджетные деньги. А когда ты приведёшь к нам на обслуживание таможеню, министерства, всех этих своих друзей, ты просто перестанешь тратить время на то, чтобы пересчитывать свои заработки. Ты сейчас выполняешь их заказы, чтобы получить деньги. А когда они откроют счета в твоём банке, ты будешь пользоваться их деньгами, даже не спрашивая их об этом. Это просто будут остатки денег на счетах в твоём банке. То есть в нашем банке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.